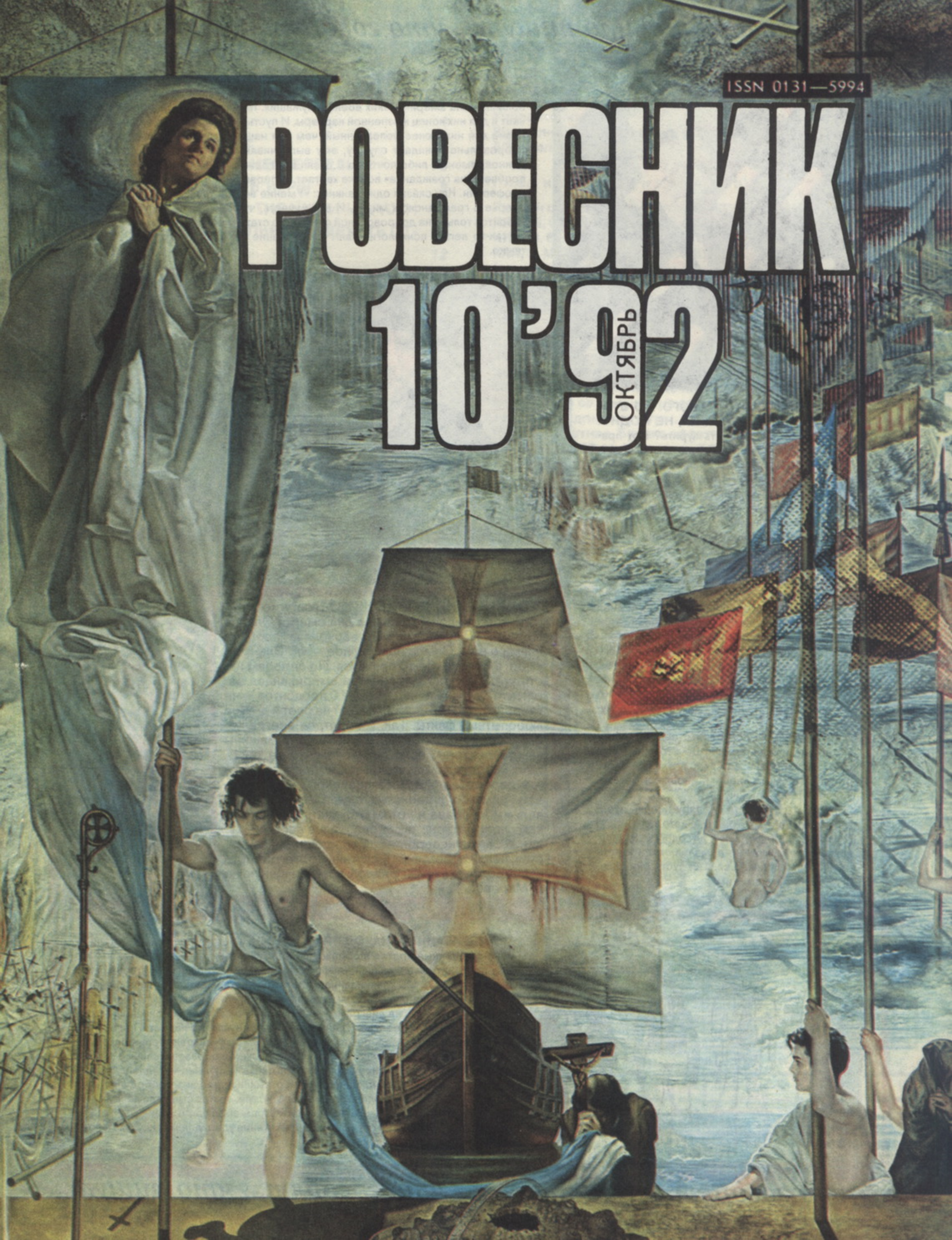

ISSN 0131—5994

РОВЕСНИК

10'92

ОКТАБРЬ

ВО-ПЕРВЫХ, ЭТО ДОРОГО. ВО-ВТОРЫХ, ОПАСНО. В-ТРЕТЬИХ, НЕ МОДНО.

Так как все-таки бросить курить? Вот правила, которые предлагают английские врачи.

ПРАВИЛО 1. Прямо сейчас докуривайте последнюю сигарету и торжественно клянитесь: что бы ни случилось, я никогда не закурю следующую. И вот — случилось: вы больше не курительщик.

ПРАВИЛО 2. Запомните: бросив курить, вы абсолютно ничем не пожертвовали. Вы сделали это добровольно, а если вы что-то делаете добровольно, вы вовсе не жертва и не неудачник.

ПРАВИЛО 3. В течение трех-десяти дней вы будете чувствовать некое физическое неудобство — это ваш организм приспосабливается к новому режиму. И вместо того чтобы думать: «Нет, я не буду, я не закурю», думайте: «Вот от чего страдают курительщики! Они — рабы своего дурного здоровья. А я — свободный человек. Разве это не чудесно?!»

ПРАВИЛО 4. Повторяйте себе: я абсолютно ничего не теряю! До этого я терял деньги и здоровье, а сейчас я только приобретаю! С каждым днем я становлюсь богаче! И красивее в придачу...

ПРАВИЛО 5. Хотя бы пару недель избегайте ситуаций, в которых можете закурить. И оглянитесь вокруг: нет ни одного курительщика, который бы не пожалел, что когда-то начал этим заниматься. Так пусть они завидуют вам, а не вы — им!

«ТЫ ТЕПЕРЬ В АРМИИ» — помните эту некогда популярную песенку в исполнении «Статус кво»? «Ты теперь не в армии» — вот слова, которые терзают полмиллиона американских военнослужащих. Конец «холодной войны» означает и для них конец жизненной карьеры. И пусть уход из армии в финансовом плане для них менее болезненный, чем для наших офицеров — если офицер добровольно покидает службу, ему выплачиваются либо 28 700 долларов единовременно, либо почти по 5 тысяч ежегодно в течение 20 лет, — однако проблем «на гражданке» все же хватает. И первая — обретение гражданской профессии. Как сказал один танкист: «Умение водить танк — небольшое подспорье в гражданском мире». И если учесть, что армия США с 1974 года строится только на добровольной основе, то стать «добровольным штатским» не так-то легко: психологи знают — нарушение любого «статус-кво» дается тяжело.

ЭЛВИС ЖИЛ. ЭЛВИС ЖИВ? В августе этого года исполнилось 15 лет со дня смерти Элвиса Пресли. И пресса вновь забурлила сообщениями о нем. Самое популярное — что Элвис не умер, а просто где-то прячется. По опросам института Гэллага, 8 процентов американцев верят, что великий певец жив, а 10 процентов — не уверены, что мертв. Всплывают на свет и другие любопытные факты. Так, говорят, он всегда носил с собой пистолет и стрелял в свои машины или телевизоры, если они почему-то не работали. Говорят также, что он любил после концертов переодеваться в полицейского, арестовывать самых хулиганистых слушателей, зачитывать им их права и потом отпускать — под честное слово, что они так себя больше вести не будут. И самое невероятное сообщение: оказывается, некий советский (!) спутник сфотографировал огромную статую Элвиса, установленную на ... Марсе!

1960 1970 1980 1990

АМЕРИКАНЦЫ — НАРОД ПРАКТИЧНЫЙ, и потому давно выработали сугубо практический подход к образованию: студентов учат только тому, что может пригодиться в будущей профессии (плюс пара «общегуманитарных» курсов по выбору). Мы тоже начинаем потихоньку усваивать этот американский опыт и страшно радуемся сокращению «ненужных» предметов. Однако... Не плохо бы взглянуть на диаграмму, составленную самими американцами: оказывается, общий уровень студенчества США неуклонно падает. Причин множество — и социальные, поскольку в колледжи поступают теперь больше ребят из «неблагополучных» районов и школ; и сугубо образовательные — резко понизился уровень самих учителей; и, так сказать, духовно-интеллектуального порядка — молодые американцы как-то отвыкли проводить свободное время «с книгой на диване». Более того, иные родители, застав сына или дочь за этим непривычным занятием, чуть ли не к психиатрам обращаются: видать, с ребенком какое-то несчастье случилось, если в чтение ударился... Так, может, подождать пока с перениманием опыта?

В НОМЕРЕ:

Оливье Пигетти. АМЕРИКА ВОССТАЕТ ПРОТИВ МАФИИ	4
АСМОДЕЙ В НЬЮ-ЙОРКЕ	6
Линда Кейдж. УЖ ЗАМУЖ НЕВТЕРПЕЖ	8
Морис Крэйтман. БОЛЕЗНЬ ИГРЫ	9
Эдуард Бразей. ЛОТЕРЕЯ: ТИРАЖИ И МИРАЖИ	10
Петер-Ханнес Леманн. «ТОЛЬКО БЫ УЕХАТЬ ОТСЮДА...»	12
МЭДЖИК ДЖОНСОН: МОЙ КОШМАР – СПИД	14
РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»	17
В. Поляков. 15 ФАКТОВ ИЗ ЖИЗНИ «ЙЕЛЛО»	19
Что говорят...Что пишут...	22
Стефан Цвейг. СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ	24
Гислен Лустало, Жан-Пьер де Монденар.	
РЕКОРДСМЕНЫ МОШЕННИЧЕСТВА	28
Е. Лившиц. БЕГЛЯНКА	31
ВИДЕОКЛУБ	31

На первой странице обложки: публикацией картины Сальвадора Дали «Сон Христофора Колумба» редакция «Ровесника» отмечает 500-летие открытия Америки.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Учредители:
Журналистский коллектив редакции
АО «Молодая гвардия»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. В. ЖУРАВЛЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник. Сдано в набор 11.09.92. Подписано в печ. 23.09.92. Формат 84x108¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,2. Зак. 2081.

Ордена Трудового Красного Знамени акционерное общество «Молодая гвардия». Адрес АО: 103030, Москва, Н-30, ГСП-4, Суцневская ул., 21.

**ПЕЧАТАЙТЕ
РЕКЛАМУ В
«РОВЕСНИКЕ»-И
МОЛОДОЕ
ПОКОЛЕНИЕ
ВЫБЕРЕТ ИМЕННО
ВАС!**

Телефон по вопросам размещения рекламы:
285-88-44.

Факс: 972-05-82, «Ровесник».

«Ровесник» приглашает к сотрудничеству оптовых распространителей печати в Москве и других городах. Телефон в Москве – 285-88-44

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал **7078I**
(индекс издания)

РОВЕСНИК
(наименование издания)

Количество комплектов:

на 19 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда | | | | | | | | | | | |
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ИВ место латер на газету журнал **7078I**
(индекс издания)

РОВЕСНИК
(наименование издания)

Стом- мость	подписки	руб.	коп.	Количество комплектов:
	пере- адресовки	руб.	коп.	

на 19 ____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда | | | | | | | | | | | |
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

АМЕРИКА ВОССТАЕТ ПРОТИВ МАФИИ

Пока мы прячемся от набирающей силу волны преступности за хлипкими дверями своих квартир, украшая свой боязливый досуг видеофильмами о подвигах американских полицейских, Америка, убедившись в беспомощности полиции и судей, все чаще организуется в «комитеты защиты граждан».

Это самые настоящие общества самообороны, со своими вооруженными бригадами, с собственными ночными патрулями и, разумеется, с повышенным риском для жизни, если учесть, что в одном только Нью-Йорке более двух миллионов единиц огнестрельного оружия. Репортаж французского журналиста Оливье Пигетти об американских «дружинниках» словно предвосхищает то, что ожидает и другие страны, если государство не сможет самостоятельно разрешить проблему преступности в так называемых «неблагополучных» кварталах.

Многословный, как коммивояжер, навязывающий вам ненужный пылесос, Брайан заставил меня осмотреть до последнего уголка дом, в котором он живет вот уже восемь лет. При этом он останавливался на каждом этаже, звонил в двери квартир, привлекая в свидетели жильцов. «Ну, как?» — Он ждал моего одобрения. По крайней

Оливье ПИГЕТТИ,
французский журналист

мере, все честно. «Жильцы просто счастливы, — тараторил Брайан, — у их детей есть площадка для игр, чистая и огороженная, обстановка там спокойная. То, что мы сделали, доказывает, что, запасшись каплей храбрости и малой толикой воли, несколько честных граждан могут

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

преобразить оплот разврата в островок мира...»

Дом Брайана находится в центре одного из самых напряженных районов Дорчестер Бэй в штате Массачусетс. Три года назад этот «спальный комплекс» не вызывал других чувств, кроме страха и отвращения. Дворы и подворотни были наводнены проститутками, наркомамами и бомжами. «Это было время ужаса, — вспоминает Брайан, показывая мне подборку вырезок из газет, рассказывающих, например, помимо прочих ужасов, о разборке двух банд, в результате которой погибли невинные люди и среди них — трехлетний ребенок. — Полиция снимала свидетельские показания и исчезала, мэрия опустила руки, а людей, живущих в благополучном центре, не очень-то беспокоило то, что происходило за его пределами. Мы же, жильцы, со своей стороны поддерживали существовавшее положение своим молчанием, унижительным подчинением законам, установленным хулиганьем. Мы жили, сидя взаперти в своих квартирах, дети не выходили из дома гулять — это было невыносимо!»

В один прекрасный день, когда в результате столкновения между чернокожими торговцами наркотиками на стене квартиры Брайана, буквально сантиметрах в десяти от стоящего перед телевизором кресла, появилось два пулевых отверстия, этот обыкновенный горожанин стал одним из первых, кто посмел возмутиться. Он обошел соседей, сколотил «кризисный комитет», предложил серию карательных мер против виновников беспорядков и ряд шагов для «реабилитации» гетто. «Это продолжалось всего три дня. Я нашел 12 человек, готовых выйти «на ринг», поскольку полиция оказалась беспомощной. Мы заменили разбитые лампочки, вымыли коридоры, выломали двери у двоих торговцев наркотиками, чтоб заставить их съехать, и выкинули из дома четырех проституток. Три дня спустя двоих из нас избивали бейсбольными битами. Группа распалась так же быстро, как и создалась...» Такой поворот не обескуражил Брайана. Он уговорил несколько человек, и они буквально осадили комиссариат, пока там не пообещали поддерживать любую инициативу комитета.

Уже через месяц по призыву кризисного комитета во главе с Брайаном сотня женщин, вооружившись кистями, щетками и тряпками, в три уик-энда обновили дом и дворы; ребятня прочесала парк и собрала мусор, а мужчины, вооружившись коротковолновыми передатчиками, днем и ночью патрулировали квартал. Результат вдохновлял: «Ну, пару раз камни швырнули или оскорбили, но чаще банды предпочитали retirроваться, чем вступить в конфликт». Как-то вечером торговец наркотиками был застигнут жильцами за продажей своего товара. Ярость, ссора, удары: мерзавец, лишившись наркотиков, поспешно удрал. А ночью в одном из подъездов вдруг сильно запахло бензином. Пламя выплеснулось в коридор, попол-

зло по этажам. В одной из квартир обнаружили обуглившийся труп: член комитета сгорел заживо... На следующий день, — говорит Брайан, — комитет потерял половину своих членов, смертельно напуганных этими репрессиями. Но в то же время наметился и внезапный подъем. Оставшиеся были готовы на все: драться, отомстить кровью за кровь. Нам пришлось успокаивать самых озлобленных, нам нельзя было допустить промахов».

На следующее утро комитет составил список «нежелательных жильцов». Местное управление муниципального жилья, страдающее от преступников не меньше самих жильцов, подписало решение об их немедленном выселении. Судья вынес протест, но на него никто уже не обратил внимания: десятка три жильцов вышибли хулиганов из нескольких квартир, разогнали притон наркоманов, заставили съехать под угрозой расправы торговца наркотиками.

Неделей позже взрыв потряс еще один подъезд: он тоже загорелся, возникла паника, люди выпрыгивали из окон, давились у выхода. В общем смятении и неразберихе многие квартиры были разграблены. Грабители оставили на стене надпись: «Мы еще вернемся». «Второй акт устрашения должен был стать для нас роковым, — говорит Брайан. — Все были деморализованы: у людей создалось впечатление, что эти месяцы борьбы лишь посеяли семена еще более жестокого насилия. Многие дошли до того, что спали в гаражах, боясь пасть жертвами новой преступной выходки».

Но Брайан с соратниками оружия не сложили. Спустя десять дней несколько членов кризисного комитета и отряд полицейских ворвались в здание. Четырнадцать человек были арестованы, в их квартирах было захвачено оружие и большое количество наркотиков. Управляющий домом срочно направил туда уборочную команду, которая смыла надписи на стенах, произвела дезинфекцию, а в отремонтированные квартиры вселились новые жильцы. «В тот день мы поняли, что сделали огромный шаг к победе, — так оценивает это событие Брайан, что, впрочем, подтверждают еще десяток человек. — Главари за решеткой, рядовые хулиганы с тех пор затаились и притихли, правда, уже подрастает новое поколение мальчишек, которые нас серьезно беспокоят».

Эти события отнюдь не исключение. За несколько лет ассоциации «блоквочерз» (по охране жилых комплексов) появились везде — от Флориды до Аляски, от столичных городов до поселков. Сегодня каждая четвертая семья в Америке (а это около 50 миллионов человек) живет в секторе, находящемся под контролем организации самообороны квартала.

Самооборона — это слово, конечно, повергнет в трепет европейцев. Однако надо знать, что в Америке преступность стала главной причиной смертности в неблагополучных кварталах. Именно

взрыв преступности и породил организованное сопротивление граждан, — считают социологи. Массовость этого явления говорит о возврате к ценностям, доминировавшим в 60-е годы: семья, воспитание, церковь и дисциплина.

«Группы «борцов с преступностью» возникают в таком количестве, что мы просто не успеваем их подсчитывать, — призналась мисс Мэгорски, член Национального Совета по предотвращению преступлений. — У меня ощущение, словно американский гражданин внезапно осознал, что никто и ничто ему не поможет, кроме него самого». Согласно опросу, проведенному Департаментом юстиции, 82 процента американцев приветствовали бы введение «программы по борьбе с преступностью» в месте своего проживания, а 81 процент из них готовы в нее включиться.

Патрик, щегольски одетый домовладелец из Хьюстона, вспоминает о своей первой встрече с «самооборонщиками»: «Ко мне пришли человек десять и вручили список квартир, используемых торговцами наркотиками и проститутками. Сначала их вмешательство в чужую жизнь меня раздражало. Но, когда мы познакомились поближе, когда они предложили мне найти новых жильцов и даже поручиться за них на случай возникновения какой-либо проблемы, я согласился: в конечном счете я ничего не терял. Кроме того, как я понял, у меня не было выбора, надо было или соглашаться, или судиться...»

Прецеденты судебных разбирательств уже есть. В Беркли жильцы подали в суд иски на домовладельца, сдавшего одну из квартир торговцу наркотиками. Приговор: по 1000 долларов компенсации каждому из жителей дома. Месяц спустя суд Сан-Франциско присудил по 2000 долларов компенсации каждому из 17 истцов, составивших гражданскую группу в похожем деле. Домовладельцам есть над чем поразмыслить.

Я видел, как работают «самооборонщики». В Лос-Анджелесе меня пригласили на их ночное дежурство. Диего и Эндрю из «Гэнг Сервис», добровольной

организации, занимающейся трудными подростками, патрулировали мрачные улицы Суз Сентрл, покинутого «силами порядка» сектора, где количество хулиганья достигло невиданного даже в Штатах уровня. Внезапно из-за дома вывалился десяток подростков, преследующих двух молодых людей с бейсбольными битами. Прижатые к решетке складской ограды, преследуемые вдруг повернулись на 180 градусов и с удивительной агрессивностью вступили в драку. Наш «форд» мгновенно оказался рядом. Диего и Эндрю выскочили из машины и встали между дерущимися. И этого оказалось достаточно. Здешние подростки хорошо знают, кто такие Диего и Эндрю: не прошло еще и двух лет с тех пор, как они оба были предводителями местных хулиганских групп...

Вот уже в течение 11 лет «Гэнг Сервис» и его члены выступают в качестве арбитра при разрешении межгрупповых конфликтов, арбитра, которого невозможно избежать. Вмешательство ассоциации и многочисленные «мирные договоры», которые при посредничестве ассоциации по-настоящему подписывают враждующие группировки, снизили на 50 процентов количество убийств в некоторых секторах!

Великий вождь «ГС» Стив Валдивиа, чье упорство достойно удивления, чтобы набрать людей в свои группы, ни минуты не колеблясь, принялся колесить по городу в поисках членов банд, решивших завязать с прошлым. Сегодня 60 процентов членов «ГС» — бывшие участники бандитских группировок! Но, несмотря на все это, Стив — пессимист. Организации, которые финансируют «ГС», едва сводят концы с концами. В 1989 году «ГС» удалось добиться подписания мирного договора между группировками Восточного сектора города, и число убийств там упало до нуля. Но уже через год из-за отсутствия средств «ГС» пришлось оттуда уйти. Насилие снова расцвело, убийств по сравнению даже с прежними годами прибавилось.

Полиция финансировать своих помощников отказывается. «Нам надлежит установить твердые границы, чтобы избежать появления частных отрядов милиции всех мастей, которые бы захотели вершить правосудие самостоятельно. При этом существует риск перерождения существующей ситуации в городскую войну», — считают руководители городских «копов».

И все же правосудие, чувствительное к изменениям общественного мнения, все реже выступает против тех, кого не может защитить государство. Так были оправданы «самооборонщики» из Детройта и Майами, которые подожгли притон наркоманов: арбитраж постановил, что речь шла о «самообороне»! Суд оправдал также группу граждан, взявших настоящим штурмом, используя оружие, дом, служивший перевалочной базой наркотиков. Да сколько их еще,

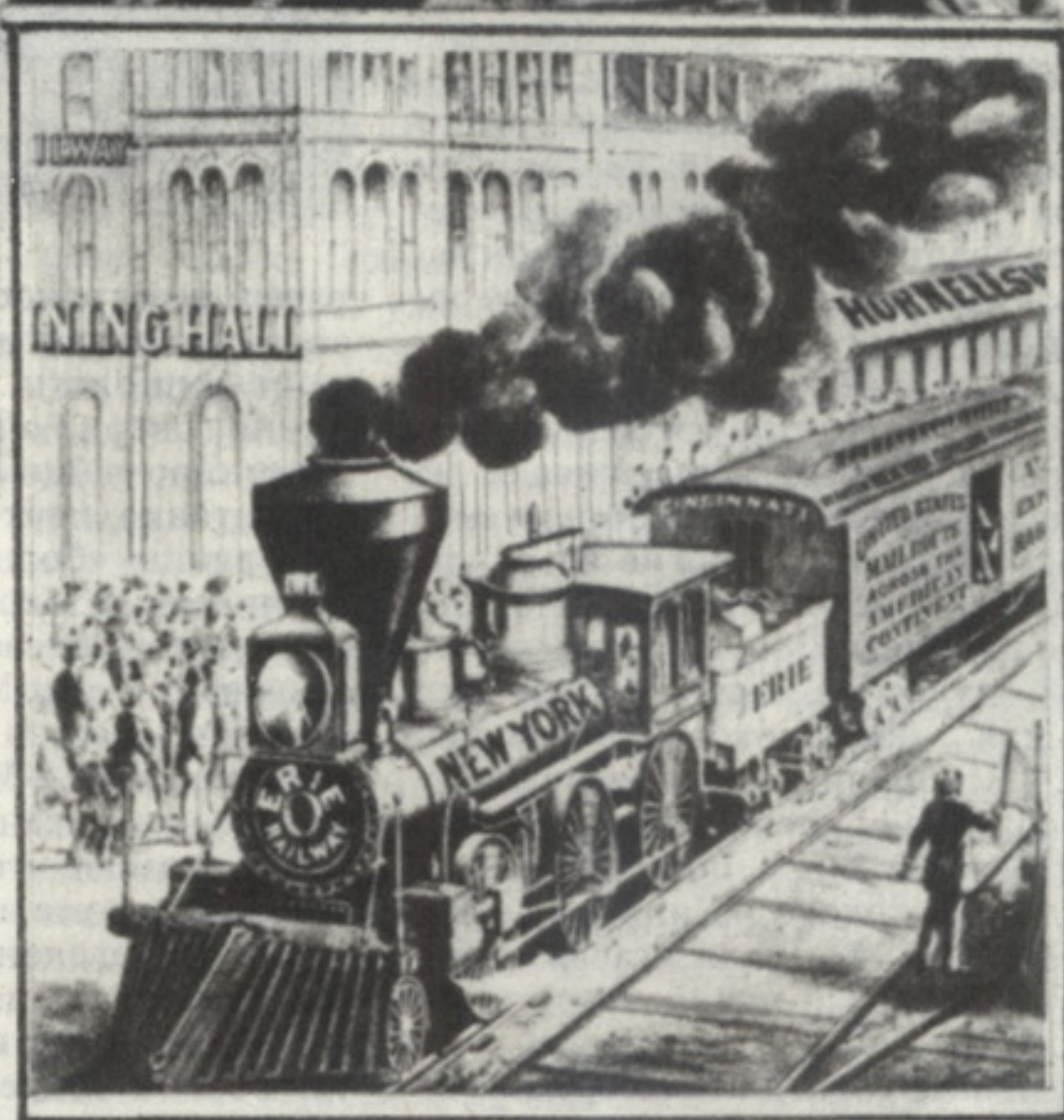
оправданных вершителей справедливости, встретивших своих врагов с оружием в руках. Их освобождение встречают аплодисментами толпы, собирающиеся у зданий судов.

Я наблюдал в Нью-Йорке, в ресторане, как двое пьяных негров, встав спиной к стене, дрались против группы самообороны «Ист Виллидж против крэка». Драка была страшной, но когда все кончилось и была вызвана полиция, из маленькой толпы, собравшейся поглазеть, раздались возгласы: «Здорово поработали, ребята, только так можно будет очистить город от подобной швали!» Гарри, один из вершителей правосудия, воспитанный и опрятно одетый парень, которому я без страха доверил бы свою младшую сестренку, промокая кровоточащую скулу, по молодости не без пафоса дал мне такое интервью: «Когда имеешь дело с хулиганьем, надо с ними разговаривать на их языке, в данном случае на языке насилия. Поверьте, дружки этих бандитов теперь дважды подумают, прежде чем нарисоваться в этом районе. Важно еще, что это насилие не порождает потоков крови, то есть соотношение сил всегда существенно в нашу пользу — для того, чтобы торговцы наркотиками знали: что бы они ни предприняли, они никогда не возьмут верх».

Да, конечно, но что можно сказать о толпе в Ист Гарлеме, которая забивает насмерть вора, укравшего у женщины 20 долларов? Или о 67-летнем мужчине, который ранил пожилую женщину, выстрелив в группу людей под предлогом того, что они якобы торговали наркотиками?

И еще. В июне прошлого года трое мужчин ограбили мальчугана в манхаттанском кафе. Какой-то прохожий бросился за ними и догнал одного из грабителей. Он привел его обратно, в кафе, поставил перед мальчуганом, прося его подтвердить, точно ли этот человек на него напал. Мальчик подтвердил. Тогда прохожий достал револьвер, застрелил грабителя и преспокойно удалился. А мальчик произнес следующее: «Мне хотелось бы, чтоб в этом городе было побольше таких храбрецов!»

Перевела с французского
М. ПЛЕХОВА

АСМОДЕЙ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Мого, кто читал «Хромого беса» Лесажа, безусловно позабавила диковинная фантазия автора выудить из колбы всезнающего беса Асмодея для того, чтобы познакомить читателя с тайнами жизни Севильи. Но уж если в XVIII веке сожалели о добрых старых временах, то в XIX, когда люди вообще перестали во что-либо верить, самой судьбой назначено всякую чертовщину считать не иначе как игрой воображения. Вероятно, поэтому достопочтенные европейцы уже век как ничего не слышали об Асмодее. Где он все это время пропадал — никто не знает... Так, бишь, к чему это я? Да, никто не знает, похоже, кроме меня.

Прошло всего несколько дней с тех пор, как я сошел на берег коммерческой метрополии Соединенных Штатов. Признаться, я не собирался заниматься изучением институций и нравов этой великой страны, поскольку с такими мыслями надо отправляться не в Америку, а прямехонько в Академию, где собралась уже тепленькая компания знатоков. Я прибыл сюда с бесхитрым намерением разбогатеть: в нашем перенаселенном Старом Свете уже давно не хватает места для размаха.

Из записок анонимного автора¹

Однако какую бы энергию вы ни чувствовали в себе, намереваясь проложить тропу к успеху, в чужой монастырь, известное дело, со своим уставом не суются. В тех же языкастых путеводителях, которые на множестве наречий разьясят вам: какой дорогой нужно ехать, чтобы добраться туда-то и туда-то, и где нужно остановить ваш шарабан, чтобы удовлетворить свое любопытство, на счет «устава» — молчок. А уж про их институции и говорить не приходится, они пребывают мертвой буквой для всякого, кто не видел их в деле, и даже самые ученые комментарии рождают в голове у бедного путешественника впечатления фальшивые и преувеличенные.

Размышляя таким образом об авантюризме молодых людей нашего века, который заставлял их пускаться во все тяжкие вдали от родных берегов, я услышал стук в мою дверь и, предложив войти, обомлел:
— Разрешите представиться. Асмодей...

¹ Книга «Асмадей в Нью-Йорке, или Путевые заметки», родившиеся не без помощи «бесовской силы» вышла в Париже в 1868 году без фамилии автора.—Прим. пер.

**Глава,
из которой явствует, как можно
лучшее превратить в худшее и
почему правительство не всегда
бывает сговорчивым**

— Слушайте,— сказал мне Асмодей, когда мы подошли к зданию муниципального совета Нью-Йорка,— отцы города как раз в зале, может, заглянем, посмотрим, какие колеса крутятся в чреве города, у которого вместе с пригородами полтора миллиона жителей, чьи доходы превосходят не одну королевскую казну в Европе. Если верно, что народ имеет то правительство, какого он заслуживает, то ньюйоркцы, вероятно, не очень довольны тем, что имеют.

Мы вошли в зал, соответствующим образом убранный. Перед креслами, расставленными полукругом, располагались столы с ворохом перьев, газет, книг, бумаг, чернильницами, и все это венчала шляпа соответствующего отца города. Позы «отцов» были далеко не самыми академическими, многие из них, пристроив ноги на обводе стола, целили каблуками в председателя собрания, сидевшего в высоком кресле посреди полукруга. Такая непринужденность, вероятно, проистекает от того, что заседания проводятся без посторонней публики. Вся беспокойная толпа остается прогуливаться по двум просторным коридорам, называемым в Америке лобби. Время от времени члены муниципального совета выскакивали из зала и держали совет с кое-какими гражданами, болтавшимися в коридоре. Впрочем, все эти несолидные выскакивания мигом прекратились, едва один из членов совета передал в президиум записочку и было объявлено о начале дебатов на предмет выдачи разрешения недавно образованной компании на прокладку газовых труб на улицах города.

Упомянутый член муниципального совета, тот, который передавал председателю записочку, поднялся со своего места и заявил, что, с точки зрения выгоды, которую новая компания сулит горожанам, и, учитывая особую яркость в освещении улиц при помощи ее газа, совершенно очевидно, что следует безотлагательно выдать требуемое разрешение. В противном случае их, стражей народных интересов, неизбежно заподозрят в симпатиях к монополии уже существующих газовых компаний. Закончить выступление оратору не дали. Председатель собрания, спешивший поставить вопрос на голосование, подчинился воле большинства, и указанное разрешение было выдано почти единогласно.

— Занятно в этой комедии во имя общественного блага то,— бубнил у меня над ухом Асмодей,— что еще накануне совет отказывался рассматривать заявку компании. В записочке, что передали председателю, имеется обещание распределить между членами совета две тысячи акций компании. К сему еще приложен чек на 20 тысяч долларов на случай, если акции превратятся в обычные бумажки. Советников двадцать четыре человека, значит, поднятие руки каждому принесло больше 800 долларов.

Я цыкнул на него, потому что возбуждение в зале после голосования улеглось, и советники, обменявшись поздравлениями по поводу выгоды, которую город получит от деятельности новой компании, разошлись по своим местам. На повестку дня уже был поставлен следующий вопрос — об удлинении железнодорожной ветки. Председатель потребовал в зале тишины.

Не без изящества, как и положено председателю, он рассказал про рост населения

Нью-Йорка и про то, что многим семьям приходится селиться за городской чертой к великому неудовольствию отцов этих семейств, вынужденных тратить на дорогу до своих контор драгоценное время, про то, что одна из железнодорожных компаний, связывающая Нью-Йорк с соседними штатами, предложила протянуть свою ветку до самого центра города, и про то, что в связи со сложностью вопроса он счел своим долгом вынести его на обсуждение лишь после того, как переговоры с компанией дали положительные результаты. Капитал компании, добавил он, составляет 20 миллионов в сто долларовых акциях, которые в настоящий момент котируются на бирже по 25 долларов, однако при условии, что совет даст свое разрешение, они поднимутся не меньше чем в два раза. Поэтому администрация компании считает себя обязанной немедленно предложить членам совета 10 тысяч акций, которые в настоящий момент уже находятся у председателя в сейфе. Предложение компании настолько выгодно для горожан, что нет необходимости убеждать совет принять его безотлагательно.

Действительно, тут же послышались крики: «Голосовать! Голосовать!», заглушившие последние слова оратора. Быстро подсчитав, что на каждого приходится больше 20 тысяч, советники голосовали в такой спешке, что многие из них повскакивали с мест и обступили председателя и не успокоились до тех пор, пока тот не положил безобразию конец, объявив, что право проложить рельсы в самом центре города единогласно предоставлено упомянутой компании.

Тут я заметил, что Асмодей, сидевший все это время смирно, начал ерзать на стуле. «До чего же неосмотрительно с их стороны! — вздыхал он, с жалостью поглядывая на советников.— Их любовь к деньгам может сравниться только с их собственной ипокризией (лицемерием. — *Ред.*). Однако, похоже, что сейчас, как и полагается у порядочных воров, начнется дележ добычи». Он, кряхтя, встал и потащил меня за собой к выходу. И действительно, председатель, насколько мы могли разобрать слова в обрушившемся на него гвалте, оказывается, задумал прибрать к рукам львиную долю акций, которые уже, вероятно, завтра подскочат до ста долларов за штуку. Несколько советников, грудью вставшие на защиту своего председателя, обменивались образными выражениями с остальной братией. Полетели книги и чернильницы. Один из отцов города, задетый этим снарядом, при виде разливающихся по его костюму чернил, выхватил револьвер. Мигом его примеру последовали все остальные двадцать три советника, и, перестав интересоваться, чем закончится следующее голосование, мы поспешили на улицу. «Кто знает, как стреляют эти «отцы», — ворчал Асмодей.— Когда у тебя всего одна нога, не приходится по глупости рисковать второй...»

**Глава,
в которой рассказывается о
всеобщих выборах**

В день выборов все таверны оказались закрытыми с самого утра: полагается, чтобы граждане, находящиеся при исполнении своих избирательных прав, находились в трезвом рассудке. Однако по нетвердой поступи избирателей мы заключили, что они тем или иным образом, но все же нашли способ утолить жажду не из городского фонтана.

Мы заглянули в клуб одной из старейших

политических организаций Америки.

Президиум клуба был в сборе. Все с нетерпением ждали результатов голосования. Неожиданно в дверях появился некий гражданин, который, едва отдышавшись, заорал: «Победа!» Многократное «ура» разнеслось по залу, и, едва крики стихли, на трибуну поднялся оратор. Затем еще один. За ним третий. Пятый. Все они заговорили одновременно. Всем хотелось выступить. Ибо, как считает Асмодей, если есть на свете народ, готовый говорить на любую тему, то это американцы. Президент клуба громким стуком своего молотка по столу восстановил тишину и, воспользовавшись замешательством, сам поднялся на трибуну.

«Американский народ,— выкрикнул он,— величайший народ на земле, солдат всемирной демократии, знаменосец цивилизации, надежда всех угнетенных наций, вновь продемонстрировал свое могущество! Его громоподобный глас сдует с насиженных мест всех прихвостней и жуликов! Народ — это нация, и люди, избранные нацией, чтобы ее представлять, являются исполнителями ее самой последней воли! Ни у кого не может быть сомнений — мы самый разумный народ в мире! Наше государственное устройство — образец совершенства и результат величайшего напряжения человеческого разума со времен сотворения мира! Наше процветание, которое гнусная партия, только что лишившаяся власти, не сумела остановить, является тому могучим доказательством!»

Асмодей толкнул меня в бок, чтобы я обратил внимание на застывшего с отвисшей челюстью еще одного нарочного, как видно, принесшего вести об окончательных результатах выборов. Новый документ президент изучал под грохот восторженных аплодисментов. Скоро по его сдержанности стало очевидно, что новость, которую ему придется сообщить своим соclubникам, малоприятна.

На этот раз президенту не потребовалось просить тишины.

«Дорогие соотечественники, друзья мои, братья,— в голосе президента звучала слеза,— этот день останется в истории нашей республики как один из самых трагических дней! На смену прозвучавшим победным песням идут стенания и рыдания! Коррупция одержала верх! Мы потерпели поражение на всех фронтах! Нашим противником были брошены баснословные суммы, которыми они хотели купить себе голоса и исказить волю народа! Брешь после издержек этих выборов бессовестные интриганы будут заколачивать новым нажимом на налогоплательщиков! Надо иметь смелость признать, что мы — нация ублюдков, недостойных жить среди демократических свобод, поскольку не умеем извлекать из них пользу. В каком мы положении? За границей мы лишились своего престижа, превратились в посмешище всего мира с тех пор, как рычаги власти находятся в руках наших противников! У себя в стране? Куда ни глянь — нищета, поскольку торговля и промышленность парализованы законами, направленными только в карманы этих, с позволения сказать, представителей народа! Одним словом, мы должны стыдиться того, что мы американцы!»

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

ИСТОРИЯ ЛОРЫ Батон Руж, штат Луизиана

Мне было пятнадцать, Брайану — двадцать, и это была любовь с первого взгляда. Я увидела его, сердце у меня сначала упало в пятки, потом подскочило к самому горлу, а потом улетело к нему. Как мне казалось, навсегда.

Мы начали встречаться, и свидания наши продолжались в общей сложности два года. Порой мы подолгу не виделись, но потом встречались вновь, и все — мы бросались друг другу в объятия, и казалось, что мы просто обречены друг на друга.

Родители мои были против этих встреч, им не нравилось, что Брайан старше меня на пять лет. Они считали, что девушка моего возраста должна встречаться со своим ровесником. Они требовали, чтобы я приходила домой не позже половины одиннадцатого, так что Брайан подвозил меня домой, а потом отправлялся с друзьями по барам.

Потом Брайан ушел в армию, в авиацию. Мы писали друг другу чуть не каждый день, счета за телефонные разговоры достигали полтысячи долларов в месяц. Мы умирали от любви...

Мы решили пожениться, когда мне сравняется восемнадцать. Отец — а он никогда на меня в жизни даже голоса не повысил — был в ярости. Я только что поступила в колледж, и отец хотел, чтобы я завершила образование. Он говорил: «Я не дам тебе ни цента на свадьбу и не стану платить за колледж, если ты выйдешь замуж. Но если ты сначала кончишь учебу, тогда я закачу тебе такую свадьбу, какую мир не видел!» Он хотел одного: чтобы я училась. А я и слушать его не желала. Брайана перевели на базу на Аляску, он должен был прослужить там четыре года, и я знала, что не перенесу такой долгой разлуки. Мы поженились, свадьба была очень скромной — все устроила мама. А отец... Отцу больше ничего не оставалось, как принять Брайана в семью.

Мы прожили на Аляске два года, и это были худшие годы моей жизни. Я была полной неумехой, тосковала по маме, тосковала по Брайану — из-за службы нам приходилось часто разлучаться, все время плакала и «заедала тоску»: я попра-

вилась почти что на 20 килограммов.

И была еще одна серьезная проблема: Брайан пил. Он попивал и до свадьбы, но мне казалось, что все это чепуха — ну, перебрал с друзьями, ничего серьезного. Сразу после свадьбы он отказался от пьянки, но потом это снова началось. Я ужасно мучилась, мне казалось, он предал меня, заманил в ловушку: увез на эту дурацкую базу, заставил бросить учебу и теперь развлекается с друзьями, а я сиди, жди и трясишься от страха за него. Но я не хотела его оставлять: я считала, что

ЗАМУЖ НЕВТЕРПЕЖ

должна хранить верность данному у алтаря клятве. Я предлагала ему обратиться к врачам, к психотерапевтам, но все впустую.

Я знала, что брак — это не только постоянное счастье, что бывают взлеты и падения, но думала, что любовь поможет нам преодолеть все проблемы. Теперь-то я понимаю, что витала в облаках. Более того: я старательно игнорировала, не замечала реальность — то, что Брайан пил всегда, то, что нам с ним почти не о чем было говорить, что у нас было мало общего.

Нет, Брайан любил меня, он честно пытался меня понять, выслушать, но кончалось все моими слезами и обоюдными упреками, потому что, несмотря на все его усилия, он просто не способен был до конца понять, о чем я говорю. Мы не были «сообщающимися сосудами», когда чувства одного переливаются в чувства другого и наоборот. А я была слишком молода, чтобы принимать жизнь такой, какая она есть. Я верила, что любовь — это все, что она сама по себе решит все проблемы.

На второй год нашей жизни на Аляске все начало рушиться. Я часами просиживала у телевизора, не ходила на вечерние курсы, на которые записалась, спала и ела... У меня не было даже сил, чтобы прибраться в доме. Жизнь текла мимо, у меня не было никакой цели. Когда Брайан женился на мне, он думал, что я стану такой же хозяйкой, как моя мама: он же бывал у нас в доме, видел, как все уютно, хорошо устроено, как вкусно мама готовит. Пока я жила с мамой, я ничего по дому не делала — по правде говоря, была отчаянной лентяйкой. И так ничему и не научилась. Он начал упрекать меня, говорить, что ему надоела грязь и отвратительная еда, а я злилась, кричала на него. Мы расставались, сходились вновь, и в конце концов оба пришли к выводу, что брак наш не удался и что нам надо развестись, пока не появились дети.

Наше расставание было ужасным, но если бы были дети, все было бы еще хуже.

Произошло то, чего так боялись мои родители. Мне негде было жить. У меня не было денег. У меня не было образования. И я даже не могла найти нормальную работу. Кончилось тем, что я стала

ходить по домам убирать квартиры, чтобы наскрести денег на учебу. Я чувствовала себя полной неудачницей.

И все же, несмотря на все мои мытарства, я и по сей день верю в брак, верю в то, что когда-нибудь буду счастлива. Но теперь я понимаю, что вступать в него надо с открытыми глазами. Нужно, чтобы у тебя было что-то свое, что-то, что увлечет, отвлечет тебя в тяжелые минуты — работа, учеба, короче, какое-то дело, которое поможет тебе выжить вопреки всему.

Линда КЕЙДЖ,
американская журналистка

ИСТОРИЯ ХИЛЛАРИ Портленд, штат Орегон

Когда мы познакомились, мне исполнилось пятнадцать, Джейсон был на год старше. Через полгода отношения наши стали самыми серьезными, но о свадьбе я и не помышляла.

Когда Джейсон впервые сказал, что хочет на мне жениться, я была польщена — не более. Эти разговоры казались мне вполне невинными: я-то знала, что хочу учиться, хочу поступить в колледж. Джейсон был иного мнения — учеба его не привлекала.

Джейсон это вроде бы понял, перестал заговаривать о женитьбе, мы продолжали встречаться, так прошел год. И к концу моего первого курса в колледже я поняла, что все же хочу выйти за него замуж. Он был очень хорошим парнем, у нас было много общего, и мы почти никогда не ссорились.

На Рождество мы объявили о нашей помолвке, и родители не возражали: им нравился Джейсон, они верили, что я буду с ним счастлива. Правда, мама предупредила меня о том, что брак в таком раннем возрасте сулит не одни лишь розы... «Когда ты молода, ты не представляешь, какой трудный путь тебе предстоит, — говорила она. — Ты ведь со многим в жизни еще не сталкивалась. Ты не знаешь, что такое непоплаченные счета, что такое выплаты за кредиты на машину и дом, что такое страховка по болезни. Тебе придется работать и работать, чтобы все это оплатить. А дети — это такая колоссальная ответственность!» Но я ничего этого не понимала — ведь до тех пор я ни за что полностью не отвечала.

Когда мы поженились, я потеряла всякий интерес к учебе, бросила колледж и нашла работу на полный день.

Раньше в мечтах я видела все, словно на картинке из журнала. Прекрасный дом, прекрасная жизнь, достаточно денег. Я все представляла, как буду покупать мебель, шторы, посуду, даже картины для своего дома — все модное, стильное. Мне рисовался чистенький дворик и сад, полный цветов. И я была уверена, что все, что нам с Джейсоном

надо,— это только любовь. «Он никогда мне не надоеет»,— думала я. Но ничего, ничего из того, что рисовалось мне в мечтах, не получилось.

Мы поженились, когда мне было 18, а Джейсону 19. Уже первый наш год не был сплошным блаженством. Денег нам страшно не хватало, да и сам брак, само состояние «замужней женщины» не было для меня естественным.

Я же не думала, что в браке надо многим жертвовать. Теперь-то я понимаю, что брак — это труд и бесконечные жертвы. Например, Джейсону не нравилось, когда я ходила куда-нибудь со своими старыми подружками, вот я и перестала с ними встречаться. Только разговаривала по телефону, а они рассказывали, как вместе ходили за покупками, ели мороженое и т.п., и я отчаянно им завидовала.

Мне хотелось куда-нибудь сходить, а я не могла: Джейсон в эти часы работал, а без него я никуда ходить не решалась.

Мы перестали даже заниматься тем, что оба так любили — кататься на водных лыжах или отправляться с рюкзаком в горы, потому что на нас свалилось столько забот, что было не до отдыха. Мы даже не могли себе позволить ужин в кафе — не хватало денег.

А потом я поняла, что забеременела. До этого я как-то о детях не думала, точнее, считала их чем-то вроде приложения к счастливому браку. Действительность оказалась куда сложнее. Я работала почти до самых родов, да и после очень быстро снова вышла на работу.

К этому времени вся романтика куда-то исчезла.

Брак — это очень серьезный шаг, который меняет всю жизнь. К сожалению, этому нас в школе не учат. А то, что кажется идеальным — то есть то, что мы видим по телевизору: безупречный дом, обед, готовый к возвращению внимательного и любящего мужа с работы, дети, послушно укладывающиеся в кровати,— все это вранье. В этих идеальных телесемьях не бывает ссор из-за счетов, не бывает долгов и проч. Вы скажете: ты же жила в семье, ты же видела, как это бывает. А я отвечаю: я воспринимала родителей как нечто само собой разумеющееся, я не думала об их проблемах, я не понимала, какой трудной была их дорога. Теперь-то я знаю, сколько им пришлось перетерпеть, пока в доме не появился какой-то достаток и какая-то стабильность.

И я бы никому не посоветовала рано выходить замуж. Не повторяйте моих ошибок! Нет, мне хорошо с Джейсоном, я бы ни за что не хотела его потерять, но мне надо было подождать, пока я окончательно повзрослею. Восемнадцать лет — это слишком рано, чтобы становиться женой, настоящей женой. Редко кто в этом возрасте понимает, что ждет впереди. И теперь я думаю, что ради того, чтобы стать по-настоящему взрослой, можно даже рискнуть и любовью...

Перевела с английского
М. ЗАЙКИНА

БОЛЕЗНЬ ИГРЫ

Морис КРЭЙТМАН,
бельгийский врач

Рисковать, держать пари — извечное человеческое свойство, свойство людей всех обществ и всех эпох. Хотя бы один раз в жизни примерно 60 процентов и европейцев, и американцев рискуют собственными деньгами в азартных играх. Большинство проделывает это ... «в шутку». Они, конечно, мечтают выиграть, но готовы и к неудаче. В основном такие «игроки ради удовольствия» четко намечают себе границу риска, черту, которую они не переступят: они готовы проиграть лишь в определенных размерах. Азартный же игрок, тот самый, который сегодня интересует психиатров, считающих, что проблема азартных игр стоит в одном ряду с наркоманией, совершенно иной.

Этот игрок уже потерял контроль над собой. Им движет импульс, которому невозможно сопротивляться и который вынуждает человека играть — у психологов это называется принуждением. Человек играет, пока не проигрывает в пух и прах, и рискует тем более, чем меньше может себе этот риск позволить. Чтобы продолжить игру, он способен влезть в фантастические долги, разорить семью, украсть.

Его увлечение начинается незаметно. Как правило, еще подростком, он играет на мелкие суммы. Выигрыши на первых порах скромны, но они подкрепляют упорство и подвигают на совершенствование техники игры. Потом вдруг выпадает неожиданный крупный выигрыш, рождающий оптимистичную, но неразумную уверенность в том, что подобная удача может быть нормой. И... Это может произойти через несколько месяцев после первого крупного выигрыша, а может — через десять лет, но миг, когда игра превращается в идею-фикс, наступает непременно. Ставки растут. Проигрыш

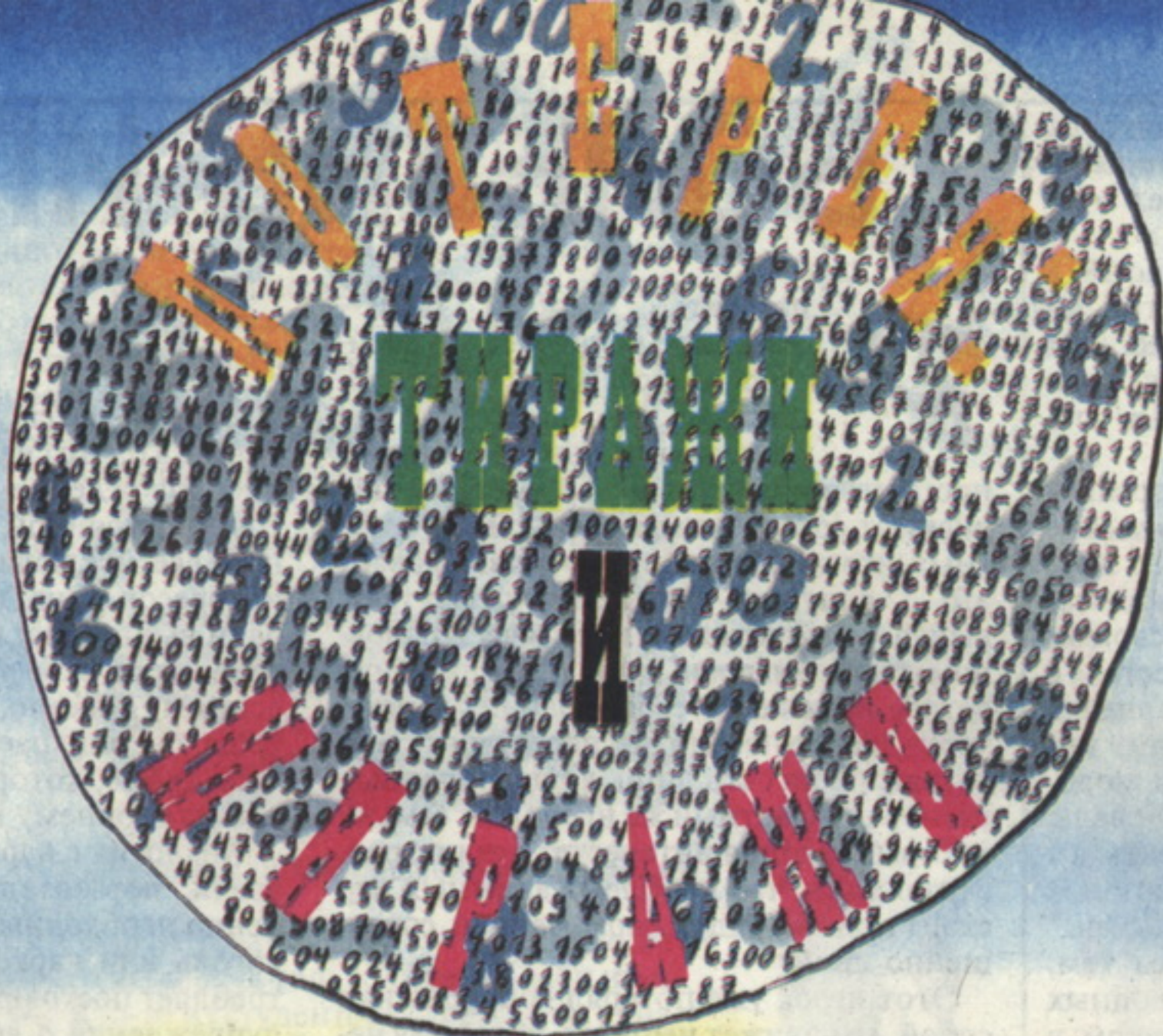
воспринимается уже как личное оскорбление. То, что сначала было лишь времяпрепровождением, становится предметом постоянной заботы — игра вытесняет все, исключает любой другой центр интересов. Она теперь ведется уже не ради выигрыша: игрок не может отойти от рулетки, от игрового аппарата, даже если ему повезло, и каждый раз в момент игры он ощущает какую-то таинственную дрожь, которую столь сложно описать стороннему наблюдателю.

Аналогия с наркоманией, как считают врачи, поразительная. Наркоману жизненно необходимо вещество, будь то алкоголь или наркотики, которое он употребляет постоянно, невзирая на все предупреждения о вреде. Такую же подчиненность, психологическую зависимость отмечают и у игроков. Сходство этим не исчерпывается. Когда классический наркоман внезапно прекращает прием наркотика, наступает тяжелейший «синдром абстиненции». То же самое наблюдается у трети игроков, бросающих игру, — та же раздражительность, депрессия, неспособность сосредоточиться, навязчивые мысли.

Причины того, почему у некоторых, казалось бы, безобидное развлечение превращается в тираническую страсть, в точности неизвестны. Однако сегодня уже более или менее точно выявлены «группы риска». В погоню за призраком большого выигрыша чаще других пускаются люди одаренные, активные, как правило, спортивные. Как раз те, которые обходят за версту «обыкновенные» наркотики.

Перевела с французского
М. ПЛЕХОВА

Эдуард БРАЗЕЙ,
французский журналист

Сегодня «Французская лотерея» — это могущественная организация, включающая разветвленную сеть филиалов, каждый из которых имеет свое специфическое направление деятельности: от вложения средств в новые производства, в информационную сферу, в недвижимость до развития за счет немалых своих капиталов рынка надежды за рубежом. Вспомним ажиотаж в экс-Союзе, вызванный продажей билетов моментальной лотереи. 200 миллионов билетов типа «Банко» с напыленным на сектор выигрыша слоем — дело рук «Французской лотереи».

Первый тираж «Франс-Лото» был разыгран отнюдь не в день зарождения капитализма во Франции, а совсем недавно, в 1976 году, и с тех пор проводится каждую среду. Максимально возможный выигрыш составлял тогда 10 миллионов франков. Так было до 1984 года, когда неистощимые на выдумку служащие «Франс-Лото» предложили французам еще один тираж — вечером в субботу. Теперь нужно было угадать не только шесть обязательных номеров, но можно было попробовать силы и с дополнительным, седьмым номером. Человек, отгадавший и его, получал суперприз. Через три года первый суперприз был выигран. Сумма составила 33 миллиона франков. В 1990 году «Франс-Лото» перешло к четырем тиражам в неделю. В 19.55 и в 20.35 каждые среду и субботу Франция, затаив дыхание, принимает к экранам телевизоров, наблюдая за сов-

Есть ли у играющих в лотерею хоть какие-нибудь серьезные шансы стать в один прекрасный день миллионерами? Существуют ли рецепты, как сделать удачу чуть благосклоннее? И на достаточно ли честной основе построена система игры? Именно на эти вопросы отвечает в своей книге «Республика игр» французский журналист Эдуард Бразей. Мы предлагаем вам несколько страниц этого беспощадного исследования.

ременной религиозной церемонией — розыгрышем лотереи.

Увеличив в несколько раз количество тиражей, «Франс-Лото» вроде бы увеличило и количество шансов на выигрыш — при условии, что вы участвуете в каждом розыгрыше. Если на старте лотерея давала Франции в среднем по 7 миллионов в год (тех, чей выигрыш превышал 10 миллионов), то с сентября 1990-го по март 1991-го таких миллионеров было уже 33 — и это всего за 7 месяцев!

Заинтересованная в постоянных клиентах, «Французская лотерея» установила регулярным участникам скидки. Для участия во всех тиражах достаточно подписаться на еженедельный абонемент с отрывными талонами, который стоит 48 франков. Пустяки по сравнению с возможным выигрышем! Неудивительно, что «лотомания» стала непрерывно прогрессирующей болезнью, настоящей эпидемией, поражающей все

слои французского общества. 10 миллионов французов играют регулярно, еще 5 — от случая к случаю, итого — 350 миллионов франков в неделю.

Стоит задать вопрос, типичный для детективных романов: «Кому это выгодно?» Ведь на выигрыши идет только некоторая часть средств, даже не половина. Лотерея — затея очень выгодная для... государства, которое, не играя, а просто регулярно повышая налоги на азартные игры, кладет в карман 8,5 миллиарда франков ежегодно. Вот выигрыш так выигрыш! Так что лотерея — это воплощенное государство, поскольку оно не только забирает около 50 процентов всех сборов, но и является владельцем около 72 процентов капитала «Французской лотереи». Короче говоря, играть в лотерею — значит просто без какой-либо явной выгоды отдавать деньги государству, если не считать, конечно, призрачного шанса стать миллионером, но этот шанс — один на 14 миллионов.

И тем не менее люди продолжают играть. Они играют все чаще и вкладывают в игру все более крупные суммы, и чем больше они проигрывают, тем больше становятся уверены, что существует некий секретный код, рецепт, некая универсальная формула выигрыша.

Почему бы не я?... Хотя, согласно расчетам, у каждого игрока есть шанс выиграть один раз в 67 307 лет непрерывной игры, никого это не обескураживает. Если Бернардетт Гёри заполучила-таки свои почти 40 миллионов франков в субботнем розыгрыше в сентябре 1990 года,

то почему не я?.. Правда, вдобавок к своему сказочному везению, Бернардетт была еще умна и практична. Она тут же выпустила книгу «Огромный приз в награду за собачью жизнь», сразу ставшую бестселлером. Это не рецепты выигршей, не астрологические раскладки, не выдержки из учений нумерологов и не описание способов гадания на кофейной гуще — таких изданий уже давно переизбыток. Стоят они не меньше 300 франков и распространяются по подписке, но тиражи их всегда раскупаются. В подобных «опусах» чаще всего содержатся некоторые статистические выкладки и советы, сделанные на среднем школьном уровне.

В своей книге Бернардетт Гёри, никогда ранее не игравшая в лотерею, рассказывает, как долго и терпеливо училась распознавать знаки, которые подавал ей маятник часов, и как по этим знакам училась угадывать заветные числа. По ее словам, когда она выбрала тираж с суперпризом, она ни на секунду не колебалась, какие цифры нужно зачеркнуть. Она была так уверена в себе, что сообщила родителям о том, что стала миллионершей еще до розыгрыша, который представлялся ей пустой формальностью. Заветные цифры 4, 6, 8, 13, 27, 33 и дополнительная 36 принесли ей миллионы.

Кстати, о цифрах. Противники лотереи из парламента сделали депутатский запрос на парламентских слушаниях и потребовали создания комиссии по рассмотрению деятельности Лотереи. Они заявили, что у «Франс-Лото» существует закрытая статистика наименее и наиболее часто указываемых номеров. Выпадая, самые редкие обеспечивают выигрыш, в тысячи раз превосходящий выигрыш по часто зачеркиваемым номерам. Проведя мини-опрос примерно пяти тысяч игроков в Лотерею, депутаты пришли к выводу, что чаще всего французы называют цифры 3, 5, 7 и 25, а реже всего — 38, 41, 44 и 46. Кроме того, часто люди вписывают в бюллетени даты рождения себя или своей бабушки, а потому цифры от 1 до 12 (по месяцам) и от 1 до 31 (по дням) плюс символические цифры 3, 7 и 13 используются чаще. Для достижения равенства и справедливости депутаты посчитали необходимым обнародовать подобную статистику.

Все это напоминает ребяческие забавы с цифрами. Но не забудем, что в игре участвуют живые люди. Приносят ли им счастье фантастические выигрыши?

Первые миллионеры охотно позировали журналистам, появлялись перед телекамерами и на весь мир рассказывали свои истории. Сегодня счастливики предпочитают укрыться от лучей славы в тени и остаться анонимными. Это понятно — ведь во многих случаях на них обрушивается волна ненависти и зависти, их преследуют угрозы и

домогательства.

Такая история произошла с Арнетт, матью четырех детей. Работая в больнице за жалованье в 3000 франков, она еле сводила концы с концами. Когда же в марте 1980 года она выиграла 9,3 миллиона франков, она почувствовала во всей мере силу обрушившихся на нее презрения, ненависти и зависти. Ей пришлось забрать детей из школы, где над ними издевались, бросить работу и уехать в другой город. И хотя ее мечта о доме с садиком для детей наконец осуществилась, улыбка фортуны обошлась ей ценой изгнания и одиночества.

У лотереи есть свои жертвы. Это те, кто не смог «разумно» распорядиться своей удачей и прибыльно «поместить» свалившиеся в один прекрасный день с неба миллионы. Жель и Кристина, выигравшие в феврале 1979 года 4,7 миллиона франков, были молоды и обаятельны. Им было по 18–19 лет, и они сидели без работы. Свалившееся на голову богатство буквально ослепило их. Жель накопил роскошных автомобилей, а затем пара отправилась в путешествие. Когда деньги были истрачены, а недостроенный дом продан с торгов, пара, чьи отношения разладились уже давно, распалась. Счастье, отпущенное ребятам лотереей, продлилось всего лишь три лета.

То же произошло и с 24-летним паренком Роже Жераром, выигравшим в ноябре 1977 года 2,3 миллиона франков. Для него это была сказочная сумма. Он принялся покупать и бить роскошные машины, потом запил и пристрастился к игре, оставляя дарованные судьбой миллионы в карманах игроков-профессионалов и шулеров в знаменитых казино Европы. Он был хорошим, добрым парнем, его карман всегда был открыт для случайных знакомых, но через пять лет после выигрыша Роже умер от цирроза печени в полном одиночестве и нищете.

Для общественного мнения эти люди были жертвами. Жертвами лотереи. И тогда был создан проект помощи «любимчикам судьбы». Служащие специального отдела «Французской лотереи» взялись оказывать выигравшим «помощь» в распоряжении их новоприобретенным капиталом. Концепция здесь одна: счастливицам внушают, что деньги, полученные игрой, — деньги случайные, не совсем честные, «чистые», что ли, их необходимо «отмыть». И для того, чтобы стать деньгами «честными», эти средства срочно должны быть превращены в капитал — земельный ли, промышленный ли, безразлично. Никаких круизов, празднеств, драгоценностей, бассейнов, наполненных шампанским, никаких роскошных «тачек»! Да здравствуют скромный домик с садом, добротный автомобиль и акции. Эти деньги ведь не получены в поте лица в результате напряженного труда. Неплохо бы вспомнить и о благо-

творительности — тем более что существуют «Фонд выигравших в лотерею». Почему бы не внести в него некоторую сумму, которая будет использована на помощь бедным?.. Ну а если вы хотите положить деньги в банк — мы можем дать вам рекомендацию, предоставить наши консультации. Почему бы не небольшой частный «Французский банк»? Это ведь «Банк лотереи». И многие клиенты, несмотря на существующие подчас неудобства, кладут свои деньги именно туда, повинувшись скорее подсознательному чувству признательности, нежели блюдя собственные интересы.

Роль «советников» и «консультантов» не ограничивается заботой о благосостоянии своих подопечных. Должен же кто-то уговаривать счастливицев хоть время от времени позировать фотокорреспондентам и дать интервью журналистам! Если этого не будет, то тщательно подогреваемый интерес к лотерее может и ослабеть. Кто поверит в существование лотерейных миллионеров, хоть раз не увидев кого-нибудь из них на экране своего «ящика»? Да никто!

Лотерея не бросает денег на ветер. Все ее рекламные кампании, все опубликованные ею статистические выкладки тщательно взвешены и спланированы. «Сегодня у вас в два раза больше шансов поймать удачу» — так рекламировалось удвоение числа розыгрышей в 1984 году. А статистика — ее повторяют так часто, как это только возможно, — такова: к середине апреля 1991 года: 75 человек выиграло более 10 миллионов франков каждый, причем 33 из них — в «четырёхтирёхзначную игру» с сентября 1990-го; 253 человека выиграло более 5 миллионов франков, а 3687 — более 1 миллиона франков. Чаще всего выпадает № 38 (208 раз), реже всего — № 47 (151 раз). Рекордный же выигрыш зафиксирован 20 октября 1990 года — супружеская пара из Тулузы получила 55,5 миллиона франков.

Лотерея — это микрообщество избранных, окруженное необъятным океаном игроков, это микромир, на деньги этих игроков существующий. С появлением каждого миллионера вокруг него рождается 10 миллионов ревностных завистников. Такова лотерея, машина, рождающая четыре раза в неделю горстку новоявленных богачей из 10 миллионов обманутых. Все, как в «большом» обществе.

Перевел с французского П. МИЛ

Пророков в нашем Отечестве хоть отбавляй, а вот с женихами дело хуже. И кинулась краса и гордость земли российской — наши девушки — на ловлю счастья и мужей на вожделенный Запад, где, как говорится, и трава зеленее. Раньше ехали мафиози, «челноки» и стриптизерки, теперь вот невесты тронулись. Что ж: вольному воля...

О

на просто фея из сказки: стройная, белокурая, со сверкающими зелеными глазами и милейшей из улыбок, способной размягчить даже каменное сердце. Длинные до плеч локоны, жемчужные зубы и кожа, как у Белоснежки. Мечта Голливуда.

Мечту эту зовут Наташа, и боится она одного — остаться без мужа. Она ведь такая старая!

Наташе 19 лет. Может быть, это уже и возраст для страны, где большинство девушек выходят замуж в 17–18 лет. Кроме того, в России на каждую тысячу мужчин приходится 1131 женщина, и все-все хотят замуж.

Но московская студентка Наташа не пойдет замуж за первого встречного. Ее муж должен быть умным, симпатичным, интеллигентным и по возможности состоятельным. Короче говоря, лучше всего, если это будет иностранец. «Русский вряд ли даст мне возможность быть спокойной за мою семью и будущих детей», — говорит она, улыбаясь и встряхивая кудрями.

Кто может чувствовать себя спокойным и уверенным в стране, где рынком правит набирающая силу мафия, где коррупция

«ТОЛЬКО БЫ УЕХАТЬ ОТСЮДА...»

Петер-Ханнес ЛЕМАНН,
немецкий журналист

все больше разъедает бюрократию, где человек на улице белым днем может быть убит из-за пары долларов?

«Москва, да и вся Россия превратились в настоящие джунгли», — говорит отец Наташи, 45-летний генеральный директор государственного предприятия, который со своими редкими волосами, бесцветными глазами и полнотой мог бы сойти за 60-летнего.

«Как могут молодые русские парни, такие, как мой сын, завести семью? Ведь даже однокомнатная квартира стоит теперь полмиллиона рублей, если не больше. А снимать или ждать очереди на квартиру бесполезно. Многие ждут этого десять лет. Нет уж. Пусть хоть наша дочь будет иметь безоблачное будущее», — говорит отец Наташи и в первый раз за все время разговора распрямляет свою согнутую спину.

А поскольку это будущее для Наташи, как и для тысяч других молодых русских девушек, находится на Западе и выглядит как брак с «состоятельным западником», на бывшей родине всех трудящихся начала процветать новая отрасль, а именно — частные брачные агентства. В 150 таких агентствах скопились горы фотографий женщин и девушек, горящих желанием подцепить мужа-иностранца. Предложений — тьма, спрос на невест катастрофически мал. Вот такая беда у русских красавиц.

Прежде всего Наташе необходимо подзубрить английский, потому что кандидаты в женихи, которых она выбрала в картотеке агентства «Шанс», заплатив предварительно 500 рублей, могут переписываться со своей русской «душечкой» только на английском языке. Наташа разослала уже 25 писем, а получила всего два

ответа. Но время не терпит. Неудачливых претенденток безоговорочно вычеркивают из списков через 18 месяцев. Пять месяцев для Наташи прошли безрезультатно.

Директор «Шанса» Татьяна — дама решительная. Запросы от женщин старше 40 лет или имеющих более одного ребенка не принимаются. Производящая впечатление добросердечной матушки Татьяна, принимающая претенденток вечерами по воскресеньям и пятницам, очень печется о репутации своего агентства. «Наши дамы, — не устает повторять она, — из порядочных, благородных семей и даже из правительственных кругов». Две молодые леди с панели, придумавшие себе легенды о благородном происхождении, были безжалостно вычеркнуты из списков после того, как детективы из «Шанса» навели справки об их прошлом.

До сих пор удалось выдать замуж за иностранцев всего 28 девушек, 500 других настойчиво продолжают ждать своего счастья. Когда же наконец прекрасный рыцарь с Запада, заплатив Татьяне 100 долларов, выберет кого-то из них?

Женихи вполне могут быть на несколько порядков старше, потому что по словам многоопытной «свахи» Татьяны «пятидесятилетний мужчина с Запада находится в расцвете своих сил и возможностей, тогда как русские мужчины в этом возрасте похожи на выдохшихся бегунов на марафонской дистанции, на законченных пенсионеров».

Большие надежды агентство возлагает именно на Германию. «Пусть боннское правительство, — говорит Татьяна, дочь бывшего генерала, и кокетливо кладет ножку на ножку, — не присылает нам гуманитарной помощи. Будет намного гуманнее, если оно наконец пришлет нам мужчин!»

Ее дочь Ольга, основавшая частное агентство на деньги деда, больше ориентируется на межконтинентальные связи. Кстати, и в личном плане тоже. 25-летняя белокурая Ольга с пухлым ртом, как у Брижитт Бардо, и формами, как у Мэрилин Монро, мечтает о муже-американце: «Они такие раскованные, спортивные

и щедры!» Американский образ жизни, ковбои, роскошные виллы миллионеров западали в души русских девушек. Не удивительно, что в списках агентства «Венец» числятся три тысячи претенденток. Может быть, это дело и не так безнадежно. А вдруг найдется достаточное число готовых вступить в брак американцев, которым до смерти надоели американские избалованные принцессы или заумные феминистки. Янки ищут женщин, которые еще остались женщинами — душевных, страстных, иначе говоря, русских. То, что невесты могут оказаться намного моложе, ни в коем случае не рассматривается как недостаток.

Человека, который помогает встретиться обеим заинтересованным сторонам, зовут Боб, и является он директором и владельцем калифорнийского брачного агентства, работающего в контакте с «Венцом». 55-летний Боб, выросший в пресловутом нью-йоркском Бронксе, имеет лихое прошлое и много чего повидал в жизни, а теперь вот занялся человеческими страстями.

За 3975 долларов он везет своих женихов из Америки в Россию и представляет их там клиенткам «Венца». После семи встреч, во время которых потенциальные женихи знакомятся все время с новыми претендентками, а также на трех вечерних банкетах «парни» Боба имеют возможность сделать свой выбор.

В смущении стоят «ребята» вокруг своей переводчицы на первой встрече в одном из городских Домов культуры, интерьер и запах которого напоминают плохо проветренный после тренировки спортивный зал. Хорошо еще, что 50 присутствующих кандидаток не только здорово накрашились, но и надушились.

Боб представляет своих «парней»: долговязого Билла из Техаса, тихого улыбающегося Рона из Луизианы, Джима из Юты и толстого с необъятным животом любителя пива Питера из Калифорнии, который со своими рыжими, торчащими вокруг приличной лысины волосами на успех вроде бы и рассчитывать не должен.

для себя ничего подходящего, склоняются над каталогом с фотографиями, который привез сюда из Америки Боб.

Проходит несколько дней, и дружба между русским и американским народами несколько оживляется. Рон, который еще позавчера от отчаяния начал было поглядывать на тонконогих пташек, фланировавших у входа в отель, вчера в Загорске обручился с молодой журналисткой Машей. Но сегодня он уже передумал и переключился на Марину, лучшую Машину подружку.

42-летний мормон из Юты объявил о помолвке с 20-летней Катей. А вот и сюрприз: рыжий железнодорожник Питер из Калифорнии с животом любителя пива и без всяких шансов на успех не может оторваться от губ своей избранницы, 36-летней учительницы музыки Ирины.

Директор Боб рад и растроган: 8 из 10 его «парней» просят визы в США для своих избранниц. Если все дело увенчается браком и свадьбой, каждый из женихов заплатит ему еще по 3 тысячи долларов премиальных.

Руководящая дама из «Шанса» Татьяна такими методами для знакомства не пользуется из-за их массового характера и сжатых сроков, в которые эти знакомства проводятся: «Я не выставляю своих дам, как скот на выставке!»

Она предпочитает индивидуальную работу с клиентами, и тем не менее уверена в успехе предприятия. С немецкой стороны ей помогает очень деловая компаньонка Мила ну, просто прирожденная сваха. Она чистокровная русская, вышедшая замуж за немца и уехавшая в Германию. По характеру и темпераменту — это настоящий вулкан. Ее муж спокойно и хладнокровно воспринимает все выходки буйной русской красавицы. А выбрал он ее именно потому, что она русская. Ему кажется, что в своей прежней жизни он был русским крестьянином и потому обожает теперь все русское. Она же выбрала его, несмотря на его полноту и лысину,

Они молоды. Им негде жить, иногда нет и работы, но зато есть страх перед будущим. Все больше русских женщин и девушек с помощью брачных агентств ищут счастья и мужа на Западе.

Самому молодому 32 года, самому старшему почти 50.

Сидящие на деревянных стульях вдоль стен девушки исподтишка разглядывают кандидатов в женихи. Вот одна из них эффектно, как бы случайно, демонстрирует свои стройные ноги, другая красивым движением головы отбрасывает волосы назад, остальные по-гусиному вертят шеями или перешептываются с соседками. Действующий до сих пор русский этикет требует, чтобы кавалеры первыми заговаривали с дамами. Но, как видно, джентльмены из Америки не из бойких, иначе бы они здесь и не оказались. Они долго мнутя и не решаются на первый шаг. «Прямо какой-то рынок рабов», — удрученно бормочет один из них. Не сразу, с усилием начинаются разговоры. «Как вам понравилась Москва?» — «Кто вы по профессии?» — «Вы любите сухое белое вино?» — «А вы хотели бы иметь детей?»

В фойе дамы шушукуются и хихикают. Те, кто в зале не нашел

потому что «он умел прилично говорить по-русски и как настоящий русский очень любит пошутить».

В сотрудничестве с Татьяной русско-немецкой свахе удалось поспособствовать созданию более 10 семей в том городе в Германии, где она теперь живет. Делает она это, по ее словам, по чисто человеческим соображениям и для того, чтобы вокруг было побольше ее соотечественниц, и чтобы было с кем пообщаться. Она уверена: «Другие мужчины — итальянцы, французы, может быть, и привлекательнее. Но немцы — мужчины солидные и хорошие отцы семейств. А нам, русским, именно это и нравится».

Ой ли? Двум подружкам-студенткам, которым не повезло в агентстве «Венец», абсолютно все равно, за кого они выйдут замуж: «Старый, толстый, богатый или бедный, немец или испанец, пусть полный дурак — только бы уехать отсюда!»

Перевела с немецкого С. КАВТАРАДЗЕ

ГОРОСКОП НА ЛЮБОЙ ВКУС

Индивидуальный гороскоп «КАРМА» расскажет вам, кем вы были в прошлой жизни, как вам лучше построить настоящую и будущую (стоимость 43 рубля).

Сексуальный гороскоп — поможет вам в любви и в выборе партнера (стоимость 39 рублей).

Комплексный индивидуальный гороскоп — зодиакальный, друидов, японский и китайский, совместимости, прогноз на будущий год (стоимость 59 рублей).

Полный комплект гороскопов (стоимость 94 рубля).

В заявке укажите название гороскопа, дату, место и время рождения. В письмо с заявкой вложите квитанцию об оплате.

Заявки направляйте по адресу: 113191, Москва, Даниловский вал, 10/12, оф. 212 «CHANGE» — ТО «ДиСа».

Наш к/с № 161272 Прогрессбанка г. Москвы, р/с № 467616 МФО 201791 в МГУ Госбанка.

ИМИДЖ ВАШЕЙ ФИРМЫ — ПРИ СОДЕЙСТВИИ РЕКЛАМЫ ОТ ТО «ДИСА» к вашим услугам: производство телевизионной рекламы, телевизионных программ, презентационных, учебных, мультипликационных и компьютерных фильмов, производство музыкальных, художественных клипов, размещение рекламы в программах ТВ (по СНГ или регионам), на радио и в прессе, производство липкой аппликации, полиграфия: плакаты, рекламные листовки, визитки, бланки, календари, афиши, красочная упаковка. Контактный телефон (факс): 237-64-14.

В

ечером 25 октября я вошел в кабинет врача команды «Лос-Анджелес Лэйкерс» Майкла Меллмана скорее с любопытством, чем с беспокойством. Накануне из страховой компании в адрес руководства команды пришел письменный отказ застраховать мою жизнь на основании какого-то «медицинского обследования». Все это было очень странно, и я попросил уточнить, что имелось в виду. Связавшись со страховой компанией, доктор Меллман сразу же позвонил мне в гостиницу в Солт-Лэйк Сити, где мы отдыхали всей командой перед товарищеским матчем с «Ютой Джаз». «Мне нужно срочно поговорить с тобой,— сказал он,— приезжай сегодня же».

Я не слишком беспокоился относительно результатов обследования, потому что чувствовал себя отлично. В свои тридцать два года я находился едва ли не в лучшей спортивной форме за все время выступлений в НБА¹, где отыграл уже 12 сезонов. Каждый день я пробегал по 5–7 километров и по полчаса занимался со штангой. Кроме того, я неплохо сыграл несколько контрольных игр перед началом сезона, в том числе на коммерческом турнире на приз фирмы «Макдоналдс» в Париже, по итогам которого я был признан «самым полезным игроком турнира».

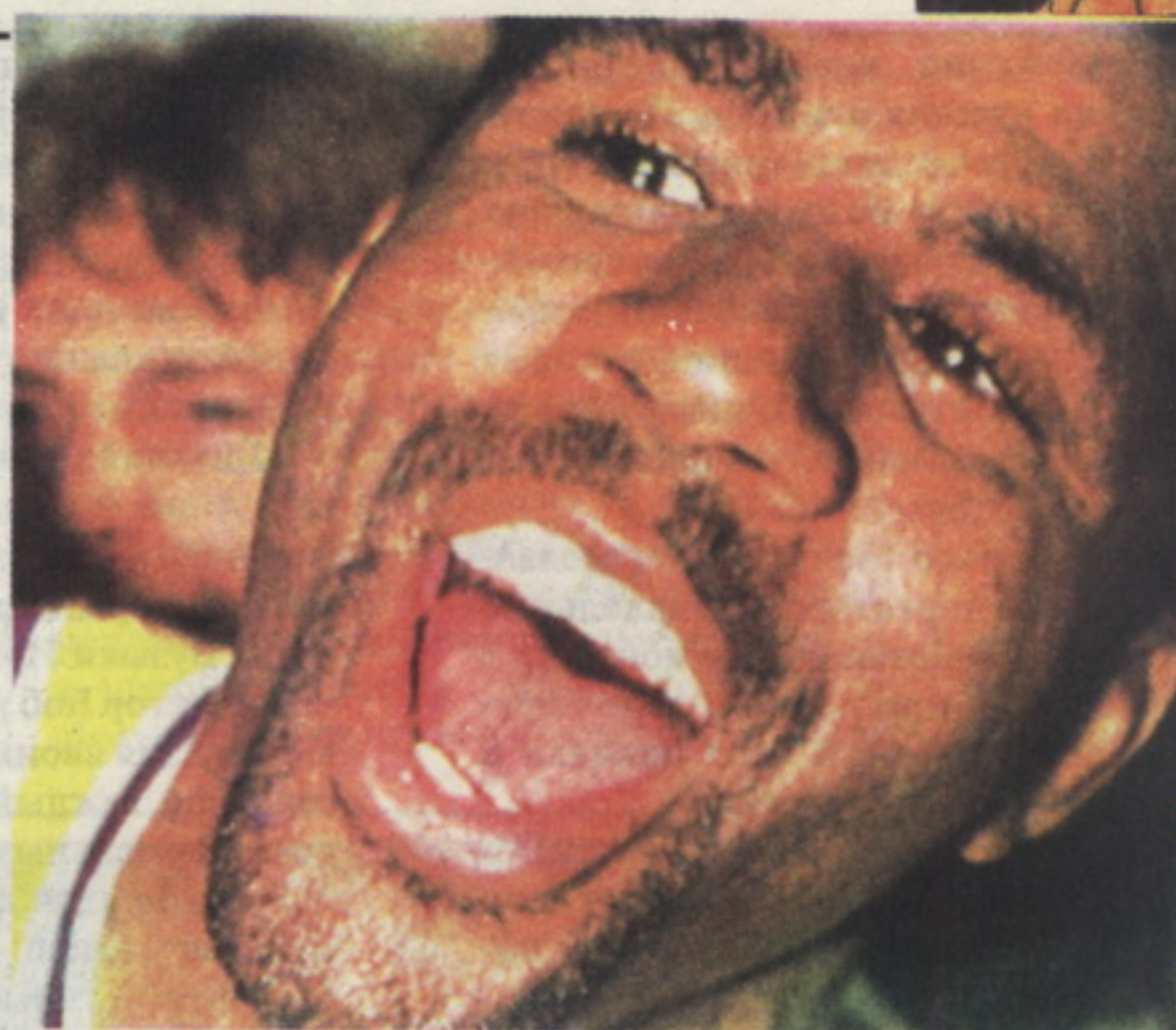
По дороге из аэропорта мы с моим юристом Лоном Розенком прикидывали, что же могло случиться. Возможно, давление показалось врачам необычно высоким. Не исключено, ведь у моего отца давняя гипертония. Или, может быть, у меня что-то неладно с сердцем, и медики решили перестраховаться на случай возможного сердечного приступа во время игры. Как бы то ни было, мне и в голову не приходило, что все обстоит куда серьезнее.

«Садись, Ирвин,— сказал доктор Меллман.— Мне передали результаты обследования. Тест на вич-инфекцию дал положительный результат. У тебя обнаружен вирус СПИДа».

На миг я оцепенел. Доктор Меллман объяснял мне, что пока я не болен СПИДом, а только инфицирован вирусом, который лишь спустя годы вызовет болезнь. Я не слышал его. Какая разница! Я понял одно — СПИД...

И тут я подумал о жене: а как же Куки? Мы поженились всего полтора месяца назад, и она была на втором месяце беременности. Я испугался, что и она, и будущий ребенок уже заразились от меня. Доктор Меллман согласился с тем, чтобы Куки немедленно прошла обследование. Про себя же я решил: все кончено.

¹ Национальная баскетбольная ассоциация.— Здесь и далее прим. перев.

МЭДЖИК ДЖОНСОН: МОЙ КОШМАР —

СПИД

Когда звезда американского баскетбола Ирвин Мэдрик Джонсон заявил, что будет участвовать в Олимпийских играх в Барселоне, многие просто не поверили: ведь за несколько месяцев до этого он узнал, что является носителем вируса иммунодефицита, и врачи запретили ему физические перегрузки. Мэдрик Джонсон блестяще выступил в Барселоне и стал олимпийским чемпионом. Чего ему это стоило — можно только догадываться. Но вот его собственный рассказ о тех первых днях, когда он смог найти в себе мужество бороться с болезнью и победить — пусть даже не саму болезнь, но страх перед ней.

Я сразу же решил обо всем рассказать жене. Но Куки в тот вечер была у друзей (она думала, что я все еще в Солт-Лэйк Сити). Глубокой ночью она вернулась домой, и я выложил ей все как есть, без утайки. Чего стоили мне эти слова! Шутка ли, сказать жене, что, возможно, ты уже заразил ее смертельным вирусом! Конечно, она была потрясена, страшно напугана. Но едва я заговорил о том, что все пойму, если она решит оставить меня, и не буду препятствовать нашему разводу, Куки обхватила мою голову руками и прошептала, что я — сумасшедший... Моя Куки чертовски сильная женщина. То, что мы поженились,— самая большая удача в моей жизни.

Через 12 дней, после того как я прошел еще несколько тестов на вич-инфекцию, два врача, Дэвид Хо из Нью-Йорка и доктор Меллман, пришли ко мне домой. Куки села рядом, держа меня за руку. Врачи сообщили, что мой первичный диагноз подтвердился: я и в самом деле являюсь носителем вируса СПИД. А вот Куки, как

показало обследование, здорова! И тогда я сказал себе: нет, жизнь еще не кончена.

Врачи сказали, что физические и эмоциональные нагрузки спортивного сезона в НБА (а это 82 игры в году) могут ослабить мой иммунитет, которому и без того угрожает вирус, и посоветовали оставить профессиональный баскетбол. Я, не особенно задумываясь, ответил так, как это делал всегда в трудную минуту: «Что ж, о'кей, но мы еще поборемся»...

Свою схватку со СПИДом я решил начать с публичного заявления о том, что со мной стряслось. Ведь еще неделю назад я, как, вероятно, и большинство американцев, не признавал, насколько реальна опасность СПИДа. Я не обращал внимания на статистику, которая указывала, что около миллиона американцев являются носителями вируса, что 200 тысяч больны СПИДом, а 125 тысяч уже умерло от этой болезни за последние 10 лет. Я говорил себе: пусть СПИДа боятся «педики» и наркоманы, это — не моя про-

блема. Мое невежество, так уж вышло, в итоге привело к беде, но я не хотел, чтобы другие заражались СПИДом, повторяя мою ошибку, и потому запланировал развернуть общественную кампанию.

На следующий день я стоял посреди «Великого западного форума», грандиозного баскетбольного зала, где я в свое время в майке «Лэйкерс» пережил немало счастливых минут. И вот я стоял здесь, пытаясь найти слова, которые бы шли от самого сердца. Я сказал, что, поскольку у меня в крови обнаружили вирус СПИДа, я ухожу из баскетбола. Я сказал и то, что намереваюсь начать борьбу с вирусом иммунодефицита и возглавить публичную кампанию, пропагандируя «безопасный секс» и использование презервативов. Я сказал, что полон решимости победить болезнь. И я действительно в это верю.

Выступая в «Форуме», я не знал, что трансляция шла по всю страну. Когда мы с Куки вернулись домой, телефон просто разрывался на части: отовсюду звонили друзья.

О том, что я инфицирован, поначалу знали лишь несколько человек: мой юрист, врачи команды, Куки и еще мои родители, которым я позвонил в Мичиган. Но прошла неделя, и становилось все труднее скрыть эту новость от моих коллег по команде — им ведь сказали, что у меня грипп и именно из-за него я пропускаю начало сезона. Я не показывался даже на тренировках, чего не случилось со мной раньше, и они, наверное, уже заподозрили, что не в гриппе дело. Наконец тренер Майкл Данливи собрал ребят в раздевалке «Форума».

К тому времени я уже рассказал пятерым своим самым близким друзьям — Ларри Берду, Арсенио Холлу, Айзиа Томасу, Пэту Райли и Майклу Джордану. Ларри не сдержался, заплакал. Арсенио тоже не мог скрыть слез. Айзиа все повторял, что не может в это поверить. Пэт и Майкл застыли, не в силах вымолвить ни слова. Я позвонил и сыну Андрэ. Ему 10 лет, он живет с матерью в Мичигане. Не уверен, что он понял все, что я ему сказал, но главное он понял наверняка. «Что бы обо мне ни говорили, я по-прежнему люблю тебя», — повторил я несколько раз.

Когда я вошел в раздевалку «Форума», то увидел расстроенные лица ребят, с которыми я столько пережил вместе. Я старался держаться молодцом — Байрон Скотт говорил мне потом, что я улыбался, как ни в чем не бывало. Я не тратил времени на предисловия и сразу сказал, что у меня в крови обнаружили вирус иммунодефицита и я ухожу из команды. Потом добавил, что они должны продолжать в том же духе, играть так же здорово, но теперь уже не только за себя, но и за меня тоже. До этого момента я сдерживался, но сказать ребятам, что навсегда прощаюсь с баскетболом, было выше

моих сил! Все вокруг плакали, я — тоже. Но я плакал не от жалости к себе, я не боюсь смерти. Когда бы мне ни пришлось умереть — завтра, через год или еще когда-нибудь, — меня все равно будет утешать мысль, что я прожил замечательную жизнь. Это сказка, а не жизнь! Я и сегодня часто говорю себе: наверное, все это — сон, не будите меня, ради Бога!

Чтобы обезопасить себя, достаточно было бы пользоваться презервативами. Я ведь не знаю даже, от какой женщины заразился: их было слишком много. До женитьбы я вел довольно беспорядочную жизнь холостяка. Кочуя из города в город вместе с командой, я не имел недостатка в женщинах. Естественно, и в самом Лос-Анджелесе поклонницы окружали меня толпой. Скажу откровенно, начиная с 79-го года, с тех пор, как я переехал в Лос-Анджелес, я не пропускал ни одной «юбки». Я вел такую вольную жизнь, что мне завидовали все ребята в НБА. Теперь же я заклинаю каждого — пройдите обследование, а потом только «безопасный секс»! Парни, запасайтесь «капюшонами», «дождевиками» — как вы там еще называете презервативы — и не забывайте про них в нужный момент! Я знаю, многим из вас женщины просто не дают прохода, так что трудно устоять. И все-таки, как бы ни была красива женщина, как бы соблазнительно ни звучал ее голос в телефонной трубке... может быть, история со мной удержит вас от еще одного соблазна, придаст вам силы воли.

Мне кажется, я веду себя по-мужски, ни от кого не прячусь. Как только подтвердился мой первичный диагноз, я начал обзванивать тех женщин, с которыми раньше встречался, и рассказывал все, как есть. Естественно, мои звонки их напугали, но я надеюсь, что все, кого я предупредил, прошли обследование, и у них все в порядке.

Всем известно, что СПИД особенно распространен в среде гомосексуалистов и наркоманов, так что пол-Америки тут же обошел слух, что я — «голубой». Вранье, забудьте! Я знаю, об этом начали болтать еще в 88-м году, когда перед началом финальных игр я целовал в щеку Айзиа Томаса, — но у нас существовал такой своеобразный ритуал: пожелание успеха и знак дружбы. Я с сочувствием отношусь ко всем, кто борется со СПИДом, ко всем, независимо от их сексуальных наклонностей, но про себя скажу: у меня никогда не было половых связей с мужчинами. Н И К О Г Д А!

Как-то по Си-эн-эн показали парнишку, который, узнав о том, что со мной стряслось, заявил, что он не будет больше носить майку с моим портретом. Я особенно не переживаю на этот счет, ведь теперь речь не о спортивных победах — речь идет о жизни и смерти. И единственное, чего бы мне хотелось,

чтобы этот парень, снявший мою майку, не забыл в нужный момент надеть презерватив.

Да, я ухожу из профессионального баскетбола, но, начиная с 79-го года, когда меня только взяли в НБА, я уже начал мысленно готовить себя к тому, что рано или поздно все равно придется покинуть спорт и искать себе другое занятие. Мне не хотелось однажды проснуться с мыслью о том, что я не у дел. Я стал заниматься бизнесом. Сегодня мне принадлежит часть дистрибьюторской сети компании «Пепси». Я наладил производство футболок и других спортивных товаров. Я хочу осуществить свою давнюю мечту: стать владельцем какой-нибудь баскетбольной команды. Если бы мне удалось купить «Лос-Анджелес Лэйкерс», вот было здорово!

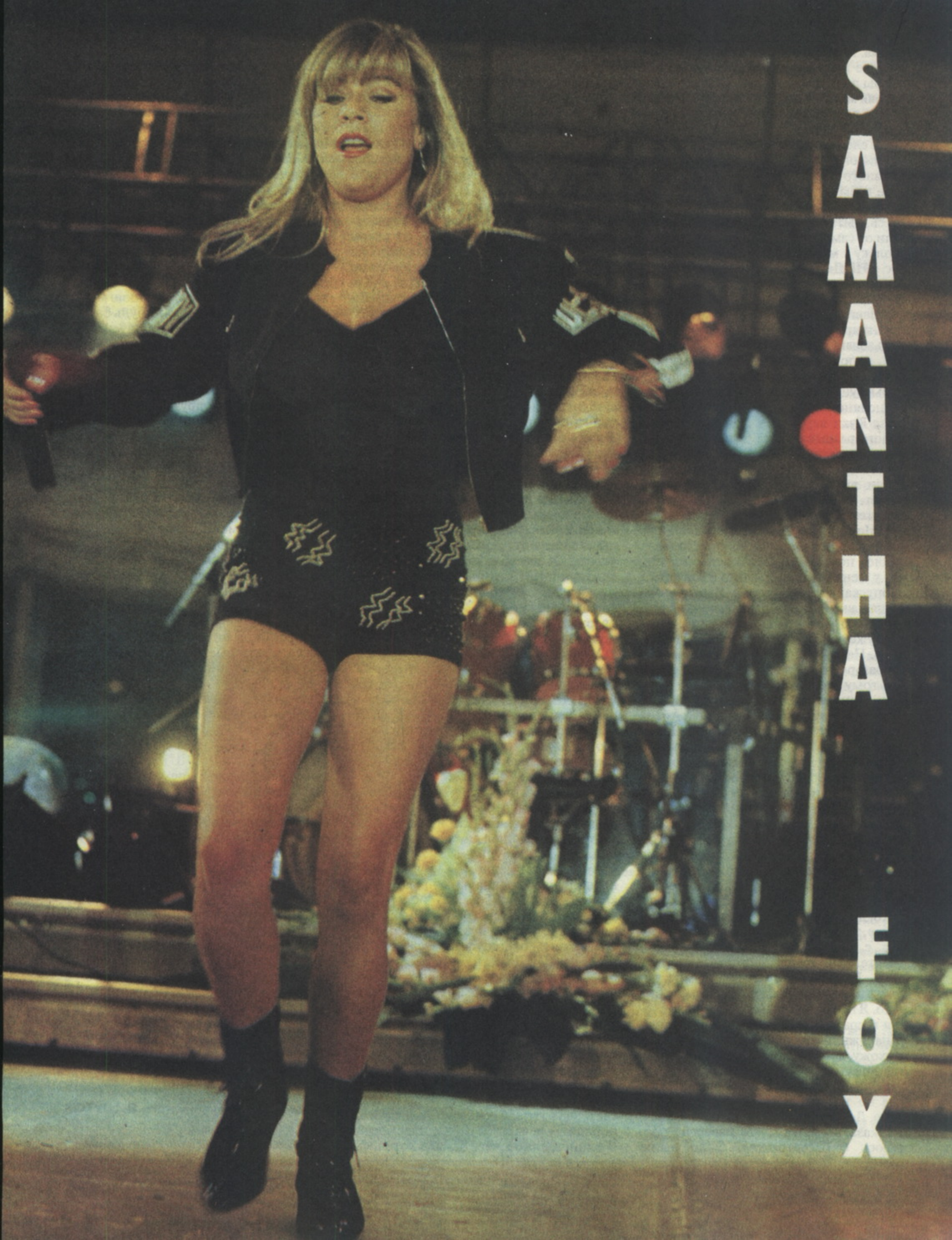
Конечно, я буду очень скучать по игре, соперничеству, баскетбольной раздевалке, моим друзьям. Не буду теперь столько путешествовать, у меня не будет больше тех ссадин и травм, которые щедро доставались на мою долю, особенно в последние годы. Но не боюсь показаться смешным, если скажу, что больше всего я буду скучать по своей... форме. Я знаю, это звучит глупо, но именно форма выделяла меня из толпы, давала возможность почувствовать себя особенным — и в школе, и в университете, и в НБА. Вот почему, даже когда травма не позволяла мне выйти на площадку, я сидел на скамейке запасных в своей спортивной форме, а не в обычном костюме. Когда я впервые попал в раздевалку «Лэйкерс» и увидел на вешалках желтые майки, я заплакал от счастья. За пределами площадки я всегда был Ирвином, и только в форме я становился Мэджиком¹.

Я бы хотел войти в состав Национальной комиссии по СПИДу, возглавляемой президентом Бушем. Одно место в ней осталось вакантным после недавней смерти Белинды Мэйсон, которая была заражена вирусом иммунодефицита во время переливания крови. Но первым делом, естественно, я должен стать экспертом по проблеме СПИДа. Мои врачи уже снабдили меня целой горой необходимой литературы, и я собираюсь проштудировать все эти книги. Я не хочу оказаться профаном в деле, которым намерен теперь заняться.

Меня радуют письма и телеграммы поддержки, которые я получаю в огромном количестве. Если люди будут относиться ко мне, как раньше, по-прежнему будут рады получить автограф, пожать руку, и если меня не будут боязливо обходить стороной, я останусь тем же веселым и открытым парнем, которого вы все знали.

Перевел с английского В. ШУТОВ

¹ В переводе с английского «Волшебный».

S
A
M
A
N
T
H
A

F
O
X

N «NASTY SAVAGE» («Насты сэвидж»), группа «Злобный дикий» образовалась в 1982 г. в США. Состав: Насты Ронни, вок.; Дэвид Остин, гит.; Бен Мейер, гит.; Фред Дрегишан, бас; Кертис Бизон, уд.

«Н. с.» предвосхитила появление таких мощных дет-метал групп, как «Death», «Obituary», «Arheist», «Morbid Angel», «Sadus» и многих других, сформировавших так называемую флоридскую школу «смертельного металла». С первых шагов трейд-марком «Н. с.» стали музыкальная агрессивность, тяжесть и экстравагантность, — немногие группы играли в то время столь жесткую музыку, и тому же с весьма сюрреалистическими текстами.

В 1984 г. «Н. с.» выпустила первую демо-тейп под условным названием «XXX», которая долгое время оставалась незамеченной. Дебютный альб. (1985 г.) вышел на фирме Metal Blade (в Европе — на Roadrunner). Пл. оказалась шедевром тяжелого рока, в частности благодаря таким ярким композициям, как «Gladiator», «Fear Beyond The Vision», «Metal Knights» и «Dungeon Of Pleasure». У группы сразу же появилось множество поклонников на родине и в Европе (особенно в Германии).

После успешно проведенных гастролей «Н. с.» выпустила второй диск, получившийся заметно сильнее первого, что немедленно сказалось на коммерческом успехе пл. Кроме того, новая работа была гораздо более осмысленной в текстовом плане. Исполнение материала на высокой скорости дало основания критике классифицировать «Н. с.» как представителей трэш-метал, с чем сами музыканты были категорически несогласны.

Последовало новое концертное турне по всему миру, чем-то напоминавшее знаменитые гастролы «Kiss» — Н. Ронни становился на сцене совершенно неуправляемым, извергал изо рта пламя и, в отличие от большинства шоуменов такого же калибра, проливал не бутафорскую кровь, а собственную, разбивая на бис голову о колонки или усилители.

Пик популярности «Н. с.» пришелся на 1987–1988 гг., главным образом благодаря скандалам и экстравагантным выходкам. «Бесплатной рекламой» стала и отмена германского турне 1988 г., которое должно было проходить под оскорбительным для немцев названием «Блицкриг в Европе». Турне все же состоялось, правда, полуофициально, а затем «Н. с.» отправились в Польшу, где их выступления проходили с огромным успехом.

В 1988 г. вышел новый мини-альб. группы, получившийся еще более тяжелым и жестким, чем все предыдущие работы. Одну из композиций музыканты позаимствовали со своей первой демо-тейп («Unchained Angel»). После окончания пан-американского турне стало ясно, что «Н. с.» окончательно сформировала свой собственный стиль и саунд, которые не только «выпадали» из мейнстрима хард- и метал-рока, но и из рока как жанра. По замечанию одного муз. обозревателя, стиль «Н. с.» уже представлял собой «баланс на грани вальпургиевых попевок чертей и кладбищенского набара».

После проблем, возникших с руководством фирмы Metal Blade, «Н. с.» перешла на независимую фирму Dirty Roten Records, которую основал менеджер группы «D.R.I.» Рон Питерсон. Очередной альб. появился в 1989 г. — в целом эта пл. уже определила потолок возможностей «Н. с.», и, вернись группа из забвения, ее поклонники вряд ли дождутся чего-то принципиально нового.

Пл.: XXX, 1984 (демо-тейп); Nasty Savage, 1985; Indulgence, 1987; Abstract Reality, 1988 (EP); Penetration Point, 1989.

«NAZARETH». Группа «Назарет» образовалась в 1969 г. в Шотландии.

Состав: Дэн Манкаферти, вок.; Мэнни Чарлтон, гит.; Пит Эгню, бас; Даррел Суит, уд.

Манкаферти, Эгню и Суит во второй половине 60-х играли в полупрофессиональной группе «The Shadettes» (г. Данфермлайн, Шотландия); после того, как в 1979 г. в составе появился

Рок - Энциклопедия Ровесника

Чарлтон, название было изменено на «Н.» (отнюдь не в честь родного города И. Христа, а по первой строчке композиции «The Weight» группы «Band»), и в 1971 г. группа подписала контракт на запись альб. Первые два диска до сих пор не привлекают внимания слушателей (не говоря уже о критике), однако третья пл. «Razamanaz», записанная под руководством Р. Гловера из «Deep Purple», принесла «Н.» два хит-сингла («Broken Down Angel» и «Bad Bad Boy», соответственно 9-е и 10-е места). Следующий хит-сингл «This Flight Tonight» (автор Джони Митчелл) способствовал продвижению в чартс альб. «Loud'n'Proud»; кроме того, в пл. вошла утяжеленная версия дилановской «The Ballad Of Hollis Brown». Эта пл. стабилизировала успех группы в Европе и Канаде, с нее начинается отсчет «золотых» и «платиновых» дисков «Н.».

В 1976 г. состоялся прорыв группы на амер. рынок — композиция «Love Hurts» (с альб. «Hair Of The Dog», 1975 г.) вошла в амер. чартс на 8-е место, а в 1977 г. сорокапятка «Hot Tracks» стала в США первой. Пользовался успехом и первый сольный альб. Д. Манкаферти.

До 1978 г. состав «Н.» не менялся, однако осенью в группе появился второй гитарист Зэл Клеминсон (экс-«Sensational Alex Harvey Band»; кроме того, он принимал участие в записи сольного альб. Манкаферти). В 1981 г. он покинул «Н.». Затем в составе появились клавишник и новый второй гитарист, но и они не задержались надолго, и «Н.» вновь вернулась к формату квартета.

Творчество в 80-е гг. проходило с характерными для всех групп-ветеранов хард-рока провалами — гр. заигрывала с «новой волной» и поп-ритмами (альб. «Cinema»), даже предприняла поездку на «задворки рока» (Болгария, Китай и СССР), но справиться с катастрофической потерей популярности не сумела, и сейчас проходит на мировом рынке как «хард-энд-хэви группа третьего эшелона».

Пл.: Nazareth, 1971; Exercises, 1972; Razamanaz, 1973; Loud'

РРР вне очереди

НЕ ПЕРЕВЕЛИСЬ ЕЩЕ ГЕРОИ В СКАНДИНАВИИ! Более того, их там просто пруд-пруди — иначе ничем иным невозможно объяснить, почему король Швеции пригласил для музыкального сопровождения ежегодной церемонии вручения Нобелевских премий поп-дуэт «Roxette». Надо сказать, и сами музыканты отнеслись вначале к этому известию как к не очень удачной шутке: «Обычно на церемонии играет Королевский симфонический оркестр, правда, в 1982 году было сделано исключение — тогда премии вручались под музыку «АВ-ВА», — говорит гитарист Пер Гессле. — А, может, Его Величество заслушался нашим последним диском?» В таком предположении нет ничего невозможного: трижды «платиновый» альбом «Joyride» уверенно обосновался во всех европейских хит-парадах, а песня «Church Of Your Heart» непрерывно крутится по радио. Так что, если Его Величество хоть иногда включает приемник, «Roxette» не могла миновать его царственного слуха.

roquette

N'Proud, 1973; Rampant, 1974; Hair Of The Dog, 1975; Greatest Hits, 1975 (сборник); Close Enough For Rock'N'Roll, 1976; Play'N'The Game, 1976; Except No Mercy, 1977; Hot Tracks, 1977 (EP); No Mean City, 1978; Malice In Wonderland, 1980; Whatever You Want, Babe, 1980 (сборник); Fool Circle, 1981; It's Naz, 1981 (сборник); 2 x 5, 1982; The Very Best Of Nazareth, 1983 (сборник); Sound Elixir, 1983; The Catch, 1984; The Ballad Album, 1985 (сборник); Cinema, 1986; Snakes'N'Ladders, 1989; The Ballad Album, Vol. 2, 1990 (сборник); No Jive, 1991/1992.

Изменения состава: 1978 + Зэл Клеминсон, гит.; 1980 — Клеминсон; 1981 + Билли Рэнкин, гит., + Джон Лон, клав.; 1983— Рэнкин,— Лон.

Дэн Макнафerti соло: Dan McCafferty, 1975; Ring Of Hands, 1987.

«NAZZ». Группа «Назз» образовалась в 1967 г. в США.

Состав: Тодд Рандгрэн, гит., вок.; Роберт «Стьюки» Энтони, клав., ведущий вок.; Том Муни, уд.; Карсон Джи Ван Остен, бас.

Одна из целой плеяды групп известнейшего блюзового психоделиста Тодда Рандгрэна, «Н.» была тем не менее первой, результаты работы которой запечатлены на виниле. Т. Рандгрэн и К. Ван Остен вместе играли в филадельфийской группе «Woody's Truck Stop», Муни выступал в составе «The Munchkins», Р. Энтони работал в «Elizabeth» — также филадельфийских коллективах. Концертный дебют «Н.» состоялся в июле 1967 г.— группа открывала концерты «The Doors» в Филадельфии. А в феврале 1968 г. «Н.» уже подписала контракт на запись пл.

В материале дебютного альб. ощущается заметное влияние «Beatles» и «The Who», особенно в таких хард-роковых композициях, как «Open My Eyes» и «Hello It's Me». Диск получил хорошие рецензии в муз. прессе, но при записи второй пл. возник конфликт между Рандгрэном и Муни, и альб., планировавшийся как двойной (рабочее название «Fungo Bat»), руководство фирмы звукозаписи разделило на два, «Nazz Nazz» и «Nazz 3», оба 1969 г. В первоначальном варианте ведущим вокалистом на пл. 1970 г. был Рандгрэн, но в окончательной

версии пел Муни. Еще до выхода этой пл. Рандгрэн и Ван Остен покинули группу.

Энтони и Муни поддерживали «Н.» на плаву до середины 70-х гг. Затем Муни перебрался в Калифорнию, где работал с группой «Curtis Brothers And Tattoo». Ван Остен переквалифицировался в художника-мультипликатора, Рандгрэн занялся продюсерством; впоследствии успешно работал — и работает соло. Энтони вошел в состав группы «Fuse» — некоторое время там играл и Муни, после его выхода из состава группа переименовалась в «Sick Man Of Europe».

Пл.: Nazz, 1968; Nazz Nazz, 1969; Nazz 3, 1969.

«NEKTAR». Группа «Нектар» образовалась в 1968 г. в Германии.

Исходный состав: Дерек «Мо» Мур, бас, вок.; Рой Олбрайттон, гит., вок.; Алан «Тафф» Фримен, клав., вок.; Рон Хауден, уд., вок.; Мик Брокетт, клав., звуковые эффекты.

Подобно музыкантам многих англ. групп середины 60-х (как, например, «Deep Purple» и «Pink Floyd»), будущие члены «Н.» Мур и Хауден познакомились в Германии, где выступали в составе разных групп. Хауден присоединился к группе «The Upsetters», в которой играл Мур, и вскоре коллектив сменил название на «The Prophets». В 1965 г. к ним пришел Фримен из группы «M15», и название было изменено на «Prophesy». В 1968 г. они рекрутировали Олбрайттона из «Rainbows», и в конце 1969 г. наконец-то остановились на названии «Н.». В 1970 г. к ним присоединился Брокетт — его пристрастие к световым и визуальным эффектам стало последним кирпичиком психоделического имиджа группы, музыкальная эстетика которой с самого начала представляла собой «коктейль» арт- и хард-рока (или же «смесь» ранних «Genesis», «Camel», «Hawkwind» и «Groundhogs»).

Дебютный альб. «Н.», как и последующий, был выпущен только в Европе (на германской фирме Bellaphon). Амер. премьеры «Н.» состоялась в 1974 г. альбомом «Помни будущее» — это концептуальная работа о посланце из космоса, который помогает ребенку понять и спрогнозировать свою судьбу. Стистика диска отлично вписывалась в амер. стандарт арт-рока середины 70-х, и потому композиции активно транслировались по сети коммерческого радиовещания, а сама пл. быстро стала «золотой». Фирма грамзаписи пошла на риск и организовала амер. гастроли «Н.» как самостоятельное турне (а не в качестве «разогревателя» для какой-нибудь известной группы) — подобная практика оправдала себя на концертных дебютах в США Genesis» и «Supertramp».

Выступления «Н.» в США проходили с огромным успехом, муз. обозреватели писали хвалебные рецензии (в пресс-релизах «Н.», предварявших концерты, предупреждалось, что «эпилептикам не следует посещать данное шоу, поскольку сложные световые и визуальные эффекты могут спровоцировать припадки»).

В 1976 г. группа окончательно перебралась в Америку — некоторое время пл. «Н.» еще пользовались популярностью, особенно диск 1976 г. «Nektar»; успешно прошли и гастроли 1977 г., что способствовало отличной реализации двух концертных альб. Постепенно роль главного вокалиста перешла к барабанщику Хаудену, в составе появился новый гитарист (вместо вышедшего Олбрайттона), но повторить триумф первого амер. альб. группа так и не сумела и в начале 80-х распалась.

Пл.: Journey To The Center Of The Eye, 1972; Tab In The Ocean, 1972; Remember The Future, 1973; Sounds Like This, 1973 (2LP); Down To Earth, 1974; Live At The Roundhouse, 1974 (Live LP); Recycled, 1976; Nektar, 1976; Magic Is A Child, 1977; Live In New York, 1977 (Live LP); More Live In New York, 1978 (Live LP); Thru The Ears, 1978; Man In The Moon, 1979.

Изменения состава: 1975 — Олбрайттон, + Дэйв Нелсон, гит.

15 ФАКТОВ ИЗ ЖИЗНИ

е овременный поп-классик — существо хрупкое и недолговечное: когда наступает наконец долгожданный момент повсеместного внедрения всех его революционных идей в жизнь, неизменно оказывается, что автор в силу тех или иных причин уже неспособен ужаснуться содеянному. Швейцарский дуэт, о котором пойдет у нас речь, — приятное исключение из печального правила: **ДИТЕР МАЙЕР** и **БОРИС БЛАНК**, общепризнанные основоположники сегодняшней музыки «хаус», по-прежнему выглядят, ведут себя, да и работают тоже куда живей всех живых. Впрочем, жизненный путь их диковинной «поп-игрушки» со странным именем — не из тех, что в сказке сказываются или легко описываются пером; так что вот вам факты — судите обо всем сами...

1. ОДНАЖДЫ В 1979 ГОДУ К СТЕНАМ ОДНОГО ЦУРИХСКОГО ЗАВОДА ПОДКАТИЛ ГРУЗОВИК. Водитель (звали его Борис) выскочил из кабины и... застыл в изумлении: на том самом месте, куда он готов был уже направить свои стопы, стоял незнакомец и занимался именно тем, ради чего Борис и завернул сюда в рабочее время, — записывал невообразимый лязг и грохот, доносившиеся из цеха... «Конкурента» звали Карлос Перрон; через несколько месяцев они сообща переоборудовали некую заброшенную фабрику в простенькую студию, и для Бориса наступили счастливые дни. Отработав смену за баранкой, он спешил на главное свое предприятие и успевал до полуночи записать роскошную композицию из разнообразных элементов бытового и индустриального шума; весь следующий день, разъезжая в наушниках по родным просторам, наслаждался собственным творением, а в семь вечера снова бежал к себе на фабрику — создавать следующее. Записав «демо», Бланк с Перроном отправились в Сан-Франциско, откуда вскоре вернулись — с похвалой великих «The Residents» в сердцах и контрактом от «Ральф рекордз» в чемодане. Общий знакомый из музыкального магазина порекомендовал им в качестве возможного солиста одного

Дитер Майер и Борис Бланк

несколько чудаковатого, но зато вполне состоятельного господина...

2. ДАВНЫМ-ДАВНО В ОЧЕНЬ БОГАТОМ СЕМЕЙСТВЕ МАЙЕРОВ РОДИЛСЯ МАЛЬЧИК, да такой пучеглазенький, что все тотчас решили: из парня выйдет толк... Так оно, с этим самым толком, и вышло. С блеском закончив частную гимназию (правда, из-за постоянных исключений чуть позже сверстников), Дитер прямым ходом (а может быть, и «по распределению») направился в игорный дом, где и отработал первые 5 лет своего трудового стажа профессиональным игроком. Пресытившись рулеткой и картами, он не покинул большой спорт, а перешел в гольф (и даже выступил несколько раз за сборную Швейцарии), после чего всерьез занялся сочинительством: стал создавать роман за романом и тут же относить их (обычно в объеме одной страницы) в мусорную корзину. От литературы малых форм Майер как-то очень естественно перешел к авангардному кино, ну а отсюда было уже полшага до «искусства вообще». Неожиданный успех первой же его персональной выставки (она состоялась в 1970 году в Люцерне и называлась «Иллюстрации к процессу мышления») привел к тому, что нашего героя пригласили в Нью-Йорк, где мы и оставим его ненадолго.

В. ПОЛЯКОВ

3. ДЕТСКИЕ ГОДЫ БОРИСА БЛАНКА ПРОШЛИ НА РЕДКОСТЬ СПОКОЙНО И ТИХО, если не считать странного шума, который некоторое время пульсировал у него в голове, а затем неумолимо изливался в окружающее пространство. Едва научившись ходить, Борис активно приступил к созданию атмосферы высокой духовности в доме: играл он в основном «на столовых приборах, всяких там резиночках... ну и, конечно, на гитаре — положив ее предварительно вверх дном». В общем, день, когда мальчик пошел в школу, стал первым большим праздником в маминой жизни. Чего, наверное, о самой школе не скажешь... Однажды, выслушав

особенно выразительное соло на крышке парты, учитель дал Борису персональное задание — написать за вечер сочинение на тему: «Искусство общения у первобытных народов». Мальчик закончил его следующей мыслью: «...Но нет для представителя первобытного народа большего счастья, чем повстречать другого такого же дикаря, живо реагирующего на его стуки!» Свой первый и последний музыковедческий трактат Борис по просьбе восхищенного учителя вынужден был зачитывать потом перед всей школой. Тем временем...

4. В НЬЮ-ЙОРКЕ НАСТЫРНАЯ МУЗА НЕ ОТСТАВАЛА ОТ ДИТЕРА МАЙЕРА НИ НА ШАГ. Разместив свои экспонаты в зале Выставки швейцарского авангарда, он на этом не успокоился и пошел себе творить дальше. На протяжении нескольких дней, скромно потупившись, Майер стоял у стен Культурного центра Швейцарии и каждый раз, когда к нему кто-нибудь приближался, наводил на смельчака револьвер. У ног агрессора красовался миролюбивый плакат: «Этот человек стрелять не станет!» Сдержав в конечном счете свое обещание (и, как ни странно, ничуть не пострадав от хорошо развитого в тех местах инстинкта самообороны), «этот человек» поставил на углу 67-й улицы и 8-й авеню прилавок и открыл бойкую торговлю. Проходим предлагалось выбрать себе в качестве покупки любое из двух слов: «Да» или «Нет», да еще и получить за это доллар с соответствующим

сертификатом в придачу. Вы думаете, в Нью-Йорке такой товар на прилавках залеживается? Ошибаетесь: Майер «продал» 98 слов и выдал столько же чеков.

5. НАЗВАНИЕ ДУЭТА НЕ ИМЕЕТ НИКАКОГО ОТНОШЕНИЯ К ЖЕЛТОМУ ЦВЕТУ. Просто Дитеру Майеру захотелось придумать для своей группы «что-нибудь очень простенькое, непретенциозное, похожее на имя детской игрушки — вроде «Лего»: «Мы с самого начала решили остаться в музыке детьми и сделать «Йелло» своей игрушкой». Между тем цели у этой «игры» глобальные: ни много

стина, изо всех сил мешающая добропорядочному дяденьке по имени Рэндом Тэкс заниматься делом всей жизни — продавать блендеры, работающие во втором режиме как пылесосы («The Blender»); бывший агент тайной полиции Педро Комаччо, не поспевший на последний самолет в Майами и теперь притворяющийся слепым продавцом каштанов в пост-революционной Кубе («La Habanera»), и, конечно же, «типичный представитель сегодняшней молодежи» Снуги Поульсен: он страстно мечтает стать автогонщиком-чемпионом, а потому сидит у себя в комнате задом наперед на стуле и крутит перед носом

КЛУШИ (роль которых выполняет у него все, что ни попадется под руку), его соратник-аристократ, как и требует того классовое самосознание, занимается полезной практической деятельностью. Например, еще 21 ноября 1969 года, выйдя на одну из цюрихских площадей, Дитер Майер отгородил себе небольшой квадратный участок, вывалил в кучу ровно 100 тысяч заранее собранных металлических предметов и на протяжении 5 дней до 8 часов ежедневно собирал их в мешочки — по 1000 предметов в каждый. Много ему пришлось с тех пор переделывать полезных дел (см. п. 9), но эти дни, овеянные славой трудовых буд-

ни мало — «нейтрализация фактора времени и посильная помощь всему человечеству в его возвращении к детскому восприятию мира...». Последнему, кстати, это совсем не по душе: «Нет, что вы, мир не хочет, чтобы мы оставались детьми. Ему нужно одно: напичкать нас всякой капиталистической чепухой и с этим грузом отправить прямиком в преисподнюю...» Странно только, что человека с такими взглядами глубоко уважают представители делового мира. «Во-первых, я все же дьявольски умен, — скромно поясняет парадокс Майер, — а во-вторых, сказочно богат: они по ошибке принимают меня за своего...»

6. ЛИРИКА «ЙЕЛЛО» СПЛОШЬ ЗАСЕЛЕНА САМЫМИ ДИКОВИННЫМИ ГЕРОЯМИ. Критика, правда, обратила на это внимание лишь после выхода второго альбома «Claro Que Si»: дебютный LP «Solid Pleasure», равно как и два первых сингла группы «I. T. Splash» и «Bostich» поразили, всеобщее воображение, прежде всего новизной звучания и блеском структурных новаций. «Как только Борис приходит ко мне с очередной звуковой зарисовкой, — рассказывает Дитер Майер, — в мыслях у меня тут же рождается персонаж — обычно с каким-нибудь очень глупым именем. Он быстро осваивается в музыкальном пейзаже, тут же разевает рот и начинает молоть чепуху. Я бегу в студию и стараюсь, пока не забыл, записать все, что он мне наговорил». В числе любимых его питомцев — коварная обольстительница Кри-

воображаемую баранку («The Race»).

7. У БОРИСА БЛАНКА ЕСТЬ В ЖИЗНИ ДВЕ ЗАВЕТНЫЕ ЦЕЛИ: а) «найти такие принципы взаимодействия абсолютно не согласующихся друг с другом партий баса и ударных, которые обеспечивали бы композиции максимальную битовую напряженность» и б) «разработать новую ритмическую структуру, полностью опровергающую все законы блюза и рока». Бланк работает со звуками, как живописец с палитрой, только краски свои он создает сам, выуживая все компоненты для них из живого звукового полотна окружающего мира. «Предположим, мне необходимо заменить удар басового барабана другим таким же густым и теплым звуком, — рассказывает Бланк. — Я окружаю себя микрофонами, натягиваю кожаные брюки и сильно бью по ноге ладонью. Цифровой аналог записанного звука я вношу в свой «Фэйрлайт», снижаю его на две-три октавы, модулирую и начинаю подмешивать к нему «по вкусу» другие оттенки. Самое приятное в такой работе — это то, что никогда не знаешь, что же у тебя в итоге получится». В общем, музыка «Йелло» (если не считать отдельных «живых» штрихов — их наносят обычно барабанщик Бит Эш и гитарист Чика Хаблас) — это сказочное царство звуков-мутантов, каждый из которых имеет родственника в естественном многоголосии окружающего мира.

8. ПОКА ПОТОМСТВЕННЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ «ЙЕЛЛО» БЬЕТ В СТУДИИ БА-

ней, для Майера по-прежнему источник самых приятных воспоминаний.

9. ДИТЕР МАЙЕР — СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Правда, в отличие от тех счастливиц, которые почему-то «часов не наблюдают», он как раз в наблюдении этом и находит для себя высшее счастье. Лидер «Йелло» не просто «плывет по реке времени»: он при этом так сучит ножками, что, кажется, еще немного, и Время вокруг него собьется в сметану из десятых долей секунд... 15 февраля 1970 года Дитер Майер на протяжении 12 часов с 30-секундным интервалом фотографировал циферблат часов. Общая протяженность (или все-таки, продолжительность?) этой фотосерии на выставке в Люцерне составила 132 метра!.. 6 мая 1970 года с 7 утра до 7 вечера он расхаживал по улицам Мюнхена, каждые 60 секунд останавливаясь, чтобы прямо под собой проставить штампик с указанием точного времени прибытия человека по имени Дитер Майер в данную точку планеты... 10 июля 1971 года он вышел на одну из цюрихских площадей, двумя белыми линиями отметил на ней диагональную полосу и с 17.00 до 20.00 каждому, кто ее пересекал, выдавал по сертификату, удостоверявшему факт пересечения конкретным лицом данной прямой, а главное, точное время... Майер согласен: «песни» его — тоже нечто вроде серии штампиков на чисто выметенной дорожке Швейцарского Времени. Кстати...

10. «ЙЕЛЛО» — ФЕНОМЕН ЧИСТО ШВЕЙЦАРСКИЙ. «Собственно говоря, это и есть Швейцария в миниатюре, — утверждает Майер. — Видите ли, в основе нашего национального менталитета — две, на первый взгляд, взаимоисключающие черты: неумная жажда анархии и железный педантизм. Так же и в «Йелло»: я олицетворяю собой понятие «полный бардак», Борис — наши точность и дисциплину, закон и порядок... Кроме того, мы — истинные провинциалы, в чем, собственно, весь секрет успеха «Йелло». Житель Лондона рождается со стремлением покорить весь мир, реализуя в себе тем самым всего лишь национальную черту характера. Но раз уж ты вылез из провинции, то самый верный способ куда-нибудь попасть — это вообще никуда не ползти: оставаться самим собой и на прежнем месте. То есть швейцарец, в принципе, тоже может покорить мир: для этого ему необходимо всего лишь выбросить из головы саму мысль об этом».

11. ШВЕЙЦАРСКОЕ «ПОКОРЕНИЕ МИРА» НАЧАЛОСЬ С ВЫПУСКА 3-ГО АЛЬБОМА «ЙЕЛЛО» («You Gotta Say Yes To Another Excess», 1983) и к 1985 году (когда вышел 4-й, «Stella») было практически завершено. Где-то на полпути между двумя этими историческими вехами, не выдержав гнета бланковской диктатуры, отстал Перрон (сегодня он известен в Швейцарии как один из лучших продюсеров). Два сингла из «Стеллы» — «Desire» и «Vicious Games» — не только прошли по «двадцаткам» мировых хит-парадов, но и получили свои заслуженные награды на видеоконкурсе Каннского фестиваля. За двойным сборником ремиксов «The New Mix In One Go» (в это почти «полное собрание сочинений» вошли вещи 1980–1985 годов) последовал альбом «One Second», записанный при несколько неожиданном участии Билли Маккензи (экс-«The Associates») и Ширли Бэсси (своей вокальной партией королева «китч-попа» украсила сингл «The Rhythm Divine»). Пластинка

1988 года «Flag» («Увлекательное путешествие по закоулкам Вселенной и репортаж о нем от лица пятилетнего ребенка», — Д. Майер), с одной стороны, ознаменовала собою возвращение дуэта к своим звуковым «корням», с другой — вновь вывела его в «списки», на этот раз с хитом «The Race». Наконец, 8-й альбом «Baby» (1991) — это «уникальная сокровищница Звука, искрящаяся тысячами экспонатов ручной работы...» В остальном же, решили критики, «название его говорит само за себя». Да, но о чем именно? Этого Дитер Майер уже не помнит. Более того...

12. ДИТЕР МАЙЕР НЕ ПОМНИТ СЛОВ СВОИХ ПЕСЕН. «С какой стати я стал бы их запоминать? — удивляется он. — Мои герои их и сами уже позабыли!.. Представьте себе человека, который идет по песчаной полоске пляжа и оставляет за собой следы, тут же смываемые волнами. Стоит ли останавливаться и глядеть на то место, где когда-то был след?» Зато у Бориса Бланка феноменальная память. «Любой, самый сложный свой миксинг он осуществляет без партитуры, — рассказывает Майер. — То есть просто тащит в студию все свои многоканальники и начинает заполнять все дорожки... по памяти! У него 120 треков, и он, подлец этакий, помнит их все наизусть! Да это же все равно, что дать дирижеру один раз прослушать произведение, а затем выпустить его с огромным оркестром на сцену...»

13. НА «ПЛЯЖАХ» ОРТОДОКСАЛЬНОГО КИНЕМАТОГРАФА ДИТЕР МАЙЕР ТАКЖЕ ОСТАВИЛ ПАРУ СЛЕДОВ. Его первый фильм «Jetzt und Alles» («Сейчас и все сразу») с успехом прошел на кинофестивалях в Маниле (1982) и Таормине, Италия (1985). Второй, «Show dalle» («фантастическая киноопера, только без пения», по определению самого режиссера), вышел на экраны в конце 1991 года. Главный герой этой очень странной сказки (роль его исполняет Пол Макганн) попадает в некую средневековую Империю и, выполняя

волю ее властелина, начинает играть на волшебном инструменте, создающем своей музыкой жизнь в Снежном Кома: она для Императора — что кровь для вампира... Символическая параллель очевидна, и Майер не отрицает: да, и для него тоже жизнь — не более чем питательный бульон, в котором плавают упитанные персонажи: «...Я захожу в бар, вижу незнакомое лицо, и вдруг оно как бы отделяется от владельца, оживает, создает вокруг себя сюжетную ауру. Ну, конечно, я живу в Снежном Кома, где мириады крошечных фильмов складываются в одну гигантскую кинокартину Жизни».

14. «ЙЕЛЛО» — ТАНЦЕВАЛЬНАЯ ГРУППА. «Первое музыкальное произведение на этой планете предназначалось для танцев. И последнее тоже, помяните мое слово, будет очень ритмичным. Вы думаете, доконав свою Землю, мы вдруг опечалимся и затынем какой-нибудь похоронный марш напоследок? Ничего подобного: плясать будем, пока наверняка не скопытимся». Борис Бланк убежден: если с миром нашим и произойдет что-то ужасное, то лишь из-за отсутствия музыки, заставляющей слушателя улыбаться. «Да, конечно, вокруг все ужасно, — соглашается он, — но это не значит, что мы должны сочинять ужасные песни, рассказывающие о том, как все ужасно». Бориса постоянно разбирает смех. «Каждый раз, просыпаясь утром, я задаю себе один и тот же вопрос: «Эй, а кто это у нас тут снова проснулся?» Как только начинает проясняться ответ, мне становится ужасно смешно. Я принимаюсь хохотать и потом уже весь день просто не могу остановиться».

15. ДИТЕР МАЙЕР ЖДЕТ ВСЕХ В ГОСТИ. В мостовую привокзальной площади Касселя вбита металлическая пластина, на которой выгравировано: «23 марта 1994 года с 15 до 16 часов на этом месте будет стоять Дитер Майер». Обещание датировано 27 июня 1972 года, но не сомневайтесь: он непременно будет там в срок, «этот человек», с упоением изнуряющий само Время. В общем, захотите узнать какой-нибудь 16-й ФАКТ ИЗ ЖИЗНИ «ЙЕЛЛО», берите билет до Касселя — и в добрый путь!

Материалы и иллюстрации предоставлены А. ШУМОВЫМ, которому — специально для «Ровесника» — вручили их Дитер Майер и Борис Бланк

Оформление Андрея ВЛАСОВА

КУДА КАТИТСЯ БРИТАНИЯ? Не успело человечество опомниться от ужасных вестей из королевского дома: сначала развод принца Эндрю с герцогиней Йоркской, затем слухи о предстоящем разводе Чарльза и Дианы, потом — весть о том, что в Букингемском дворце отныне можно будет комнату снять, так на тебе... В стране, в которой как-то не принято свертать памятники (кому бы то ни было) или таскать с места на место восковых болванов, работники музея восковых фигур города Йорка, видно, вдохновленные нашим примером, решили осуществить торжественный вынос герцогини-разведенки. Но, к счастью для традиций, общественность не позволила.

КТО ИЗ НАС НЕ ЗНАЕТ «БИКОВСКИХ» ШАРИКОВЫХ РУЧЕК? Но, подписывая ею произведения разных жанров (лучше, как говорят, сумму прописью), мало кто задумывается о поистине трагической истории этого чуда современности. Потому что мало кто о ней знает. Изобрел шариковую ручку в 1935 году венгр Ласло Йозеф Биро, вынужденный накануне второй мировой войны эмигрировать в Аргентину. Там он потратил множество сил на внедрение своего изобретения, но успеха шариковая ручка не имела. Однако какими-то неведомыми путями она достигла Франции, где попала на глаза бедному барону Марселю Бикю. Барон едва зарабатывал на жизнь производством канцелярских принадлежностей, но сразу оценил возможности, которые давало изобретение Биро. Он отправился в Буэнос-Айрес, без труда выкупил у вконец разоренного изобретателя патент, усовершенствовал качество пасты — и выкинул на рынок ручки под собственным именем. Теперь Марсель Бик — миллиардер, живет в собственном замке, одиннадцать его детей занимают важные посты в филиалах грандиозного предприятия. А Биро? Умер в 1985 году в Аргентине в полнейшей нужде и забвении.

ПАПИНА ДОЧКА. Поклонники великолепного американского киноактера Джека Николсона недавно с удивлением узнали, что у их кумира, помимо недавно родившейся малышки, есть еще одна, вполне взрослая дочь. Дженнифер Найд Николсон хотела было осуществить несбыточную мечту отца — стать писателем, но «семейное дело» взяло верх, и вот теперь, в 26 лет, Дженнифер впервые появляется на экране в фильме «Голубое шампанское». Режиссер Блэйн Новак, продюсер — папа Николсон.

РУКИ КРИТИКИ. Когда в 1969 году Аль Пачино впервые появился в бродвейском спектакле, критики сразу же угля-

дели в нем будущую звезду. Когда три года спустя он получил своего первого «Оскара», они от радости потирали руки: надо же, не обманул актер их предсказаний! Временное затишье в творчестве звезды вызвало целый всплеск чувств: застопорился Аль Пачино в своем развитии, вот так оно всегда бывает, когда мы, великие, перехваливаем!

А Аль Пачино взял — да и обманул критиков, и еще как! Блистательно сыграл сразу в двух бродвейских спектаклях. В «Саломее» по пьесе Оскара Уайльда — царя Ирода, а в «Китайском кофе» по пьесе малоизвестного драматурга Айры Льюиса — малоизвестного писателя, одержимого манией величия. Так что критики теперь только руками разводят...

ЕСЛИ УЖ НАЧАЛИ ПОДКРАШИВАТЬ ГЛАЗА, ТО, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, СТАРАЙТЕСЬ ДЕЛАТЬ ЭТО ПРАВИЛЬНО. На иллюстрации из американского журнала «Носмополитэн» показано, как не надо это делать (слева) и как следует (справа).

Не разукрашивайте веки во все цвета радуги. Выберите один цвет, но разной насыщенности и оттенков.

Тени «с перламутром» старят. Если уж хотите «свернуть», то наносите такие тени легкой линией под бровями.

Жирно, комками нанесенная на ресницы тушь — никогда! Подкрасив ресницы, удалите щеточкой излишки, вторым слоем покрывайте только ресницы на верхнем веке.

Модные нынче «глаза Клеопатры» ужасно выглядят в профиль, если подводить уголки глаз черным карандашом и резко. Лучше — коричневым, создавая мягкий контур.

Красноватые и розоватые тени создают «эффект кролика». Это одна из самых трагичных ошибок.

Не подводите глаза карандашом с середины верхнего века и внутреннюю часть нижнего. Чтобы выделить глаза, обводите вокруг, как показано.

Не пользуйтесь тенями того же цвета, что и глаза. Цвет глаз лучше подчеркнуть контрастным цветом теней, но тут необходима осторожность: попробуйте несколько вариантов.

ОТ «АНГЕЛОВ АДА» К СУЩИМ АНГЕЛАМ — такой нелегкий путь проделали некоторые из крутых американских рокеров. Неустанно бороздя на своих «харли дэвидсонах» просторы родной земли, они таких ужасов насмотрелись, что сами от своей ужасности устали. И вот теперь организовали летучий отряд мотоциклистов-евангелистов. Каждое утро, помолясь, они седлают своих могучих стальных коней и мчатся вслед погрязшим в грехах собратьям. Отловив очередного, уговаривают его жить честно — пусть и не слезая с седла, ибо это для настоящего рокера смерти подобно. И, говорят, были случаи перевоспитания...

МОЙ МИЛЕНЬКИЙ ДРУЖОК, ЛЮБЕЗНЫЙ ПАСТУШОК... И ковбоям не чужда пастораль, как жанр сугубо пастуший. Короче, один любезный пастушок пяти лет решил заарканить пастушку — чтобы потренироваться в искусстве метания лассо. А подружка у ковбоя оказалась что надо: в результате ковбой опозорился, зато прославился фотограф, запечатлевший эту славную историю.

В НЫНЕШНЕМ СЕЗОНЕ У АМЕРИКАНСКИХ ПОДРОСТКОВ в моде крупные бородатые мужчины средних лет. Если вы увидите, как в центре Нью-Йорка толпа мальчишек восторженными воплями приветствует насмерть перепуганного толстяка, не удивляйтесь: просто кого-то в очередной раз приняли за Лучано Паваротти. Сейчас его популярность в Америке может соперничать разве что с «битломанией» начала 60-х, а пластинки классики расходятся на порядок лучше дисков Мадонны или Дженсона — когда поет Паваротти, попсе следует молчать.

М

айна — все жарче жгла меня эта мысль — тайна, вызывавшая страх и отчуждение, обитала в его магически притягивающих глубинах. Я это чувствовал в его странно избегающем встречи взгляде, который пламенно устремлялся вперед и робко ускользал в ту минуту, когда хотелось благоговейно удержать его; я это чувствовал по горько сжатым губам его жены, по изумительно холодной сдержанности окружающих, которых чуть ли не оскорбляли мои восторженные отзывы о нем, по тысяче странностей и всеобщему смущению, возникавшему всякий раз, как о нем заговаривали. Что за мука проникнуть во внутренний круг такой жизни и блуждать в нем, как в лабиринте, не находя пути к его центру!

Но самым непонятным, самым волнующим были его исчезновения. В один прекрасный день, придя на лекцию, я увидел на дверях записку, извещающую, что лекции прерваны на два дня. У студентов это, казалось, не вызвало удивления, но я, выдав его еще вчера вечером, поспешил домой с тревожным вопросом, не заболел ли он. Мое взволнованное вторжение вызвало у его жены только сухую улыбку.

— Это случается часто, — сказала она необычайно холодно, — вам это еще незнакомо.

И действительно, я узнал от товарищей, что он нередко исчезал таким образом ночью, иногда только телеграммой извещающая об отмене лекции. Кто-то из студентов встретил его однажды в четыре часа ночи на одной из берлинских улиц, другой встретился с ним в подъезде. Он внезапно вылетал, как пробка из бутылки, и затем возвращался, неведомо откуда.

Этот внезапный побег болезненно взволновал меня. Два дня я провел как помешанный, не находя себе места; бессмысленными, пустыми казались мне занятия в его отсутствие; я изнывал от смутных, ревнивых подозрений, даже чувство нена-

СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ

Из записок старого человека

Стефан Цвейг

висти и злобы против его замкнутости подымалось во мне временами: в ответ на мое пламенное стремление к нему он изгоняет меня из своего внутреннего мира, как нищего в стужу. Напрасно я убеждал себя, что я, мальчик, ученик, не имею права посягать на эту чужую, ставшую мне родной, жизнь; что я должен принять как милость уже то, что он приблизил меня к себе. Но разум не восторжествовал над жгучей страстью: раз десять в течение дня я, глупый мальчишка, справлялся, не приехал ли он, пока наконец не почувствовал в ответах его жены все возраставшее раздражение. Я бодрствовал значительную часть ночи, прислушиваясь к шагам по лестнице, утром подкрадывался к двери, уже не осмеливаясь спрашивать. И когда на третий день он наконец неожиданно вошел ко мне в комнату, я едва не вскрикнул. Мой испуг был неумеренно очевиден — об этом свидетельствовало его удивленное смущение, диктовавшее ему ряд торопливых вопросов, один безразличнее другого. Его взгляд избегал меня. В первый раз наш разговор шел вкривь и вкось, вызывая обоюдное смущение. Когда он ушел, жгучее любопытство вспыхнуло ярким пламенем, постепенно оно лишило меня сна и покоя.

Неделями длилась эта борьба за откровенность; упрямо я стремился вскрыть огненное ядро, которое вулканически прорывалось время от времени сквозь скалу молчания. Наконец в счастливый час мне удалось впервые заглянуть в его внутренний мир. Я сидел как-то в сумерках в его комнате. Он достал сонеты Шекспира и читал мне в своем переводе эти будто из бронзы вылитые стихи, чтобы тотчас же магически расшифровать и осветить их кажущуюся непроницаемость. Слушая его, я испытывал восторг, смешанный с горечью сожаления о том, что дары, так щедро рассыпаемые этим человеком в избытке

творческих сил, гибнут, воплощаясь только в преходящем звуке живой речи. И неожиданно для себя самого я вдруг нашел в себе мужество спросить его, почему остался незаконченным его большой труд о театре «Глобус». Но едва я успел произнести этот вопрос, как уже испугался, поняв, что невольно коснулся неосторожной рукой наболевшей раны. Он встал, отвернулся и долго молчал. Комната как будто погрузилась в сумрак и безмолвие. Наконец он приблизился ко мне, серьезно взглянул на меня, и губы его вздрогнули несколько раз, прежде чем он вымолвил горькое признание:

— Я не способен создать большое произведение. С этим покончено. Только юность строит смелые воздушные замки. Теперь у меня уже нет той выдержки. Я стал — к чему скрывать? — человеком мгновения. Большой работы я бы не дотянул до конца. Прежде у меня было больше сил, но они ушли. Теперь я могу только говорить: только слово иногда еще окрыляет меня, возносит меня над самим собой. Но спокойно сидеть и работать, всегда наедине с собой, с одним собой — это мне уже не удается.

Он закончил жестом отречения, который потряс меня до глубины души. Я убеждал его твердой рукой собрать воедино сокровища, которые он так щедро расточает перед нами, и воплотить их в непреходящую форму.

— Я не в силах писать, — устало повторял он, — я не могу сосредоточиться.

— Так диктуйте! — И, увлеченный этой мыслью, я почти умолял его: — Диктуйте мне. Попробуйте, только начните, и — вы увидите сами — вы не оторветесь. Попробуйте, сделайте это ради меня!

Он взглянул на меня, сперва с изумлением, потом с глубоким волнением. Эта мысль, казалось, привлекла его внимание.

— Ради вас? — повторил он. — Вы полагаете, что это могло бы доставить кому-нибудь удовольствие, если бы я, старик, взялся за такую работу?

Продолжение. Начало см. в № 8-9 за этот год.

Я почувствовал в его словах робкую уступку. В его проясненном взгляде, еще за минуту как бы скрытом от меня за облаком, я прочитал пробуждающуюся надежду.

— Вы действительно думаете, что это возможно? — повторил он.

Я почувствовал, что робкая надежда перерождается в волевой акт, — и вот он встрепенулся:

— Хорошо, попробуем! Молодость всегда права. Умно поступает тот, кто ей покоряется.

Мой бурный восторг, казалось, оживил его: почти с юношеским возбуждением он быстрыми шагами ходил взад и вперед, и мы переговорили обо всем: мы условились, что каждый вечер, в девять часов, сейчас же после ужина, мы будем заниматься — на первое время по часу в день. И на следующий вечер мы начали.

Эти часы — как мне описать их блаженство! Весь день я поджидал их. Уже после обеда предгрозовая тревога овладевала всеми моими чувствами; я весь был наполнен нетерпеливым ожиданием вечера. Тотчас после ужина мы отправлялись в его кабинет. Я садился за письменный стол, спиной к нему, а он нервными шагами ходил по комнате взад и вперед, пока в нем не устанавливался определенный ритм, — и вот прозвучала первая нота возвышенной речи. Все у этого изумительного человека оформлялось музыкальным чувством: ему нужен был размах для полета мысли. Большею частью он находил его в каком-нибудь образе, смелой метафоре, пластической ситуации, которую он, невольно возбуждаясь быстрым движением, преобразовывал в драматическое действие. Что-то величественно стихийное, что отмечает всякое творчество, блистало в стремительном потоке этой импровизации: отдельные отрывки его речи напоминали ямбические строфы, другие, гремя водопадом великолепных перечислений, вызывали в памяти гомеровский список кораблей и неистовые гимны Уолта Уитмэна. Впервые мне, еще не сложившемуся юноше, пришлось заглянуть в тайники творчества: я видел, как мысль, вдруг зашипев, будто колокольная медь, выливалась чистой, расплавленной, горячей из котла творческого возбуждения; как, постепенно охлаждаясь, она приобретала форму; как эта форма округлялась и раскрывалась, пока, наконец, не ударит из нее, подобно звуку колокола, мощное слово, воплощая поэтическое переживание в символы человеческого языка. Так рождался каждый абзац из ритма, каждая глава из драматически преображенной картины, а все широко задуманное сочинение, так мало напоминавшее обычную форму филологического трактата, выливалось в гимн — в гимн морю, как видимой человеческим оком, осязаемой человеческим чувством форме беспредельности, катящей свои волны в безграничную даль, вздымающейся на вершины и скрывающей глубины, видимо бесцельно и в то же время с какой-то скрытой закономерностью, играющей человеческими судьбами, как утлыми челнами; оно было образом моря и, как оно, отзвуком всего трагического. И катятся эти творческие волны к берегам одной-единственной страны: вырастает Англия, остров, со всех сторон окруженный бурной стихией, грозно обнимающей все полосы земли, все широты земного шара. Там, в Англии, оно созидает государство. Из орбит стеклянных глаз — серых, голубых — смотрит холодный и ясный взор стихии; каждый обитатель этой страны, подобно ей, носит в себе стихию моря, как бы образуя остров. Бури и опасности воспитали здесь племя, которому присущи сильные, бурные страсти, племя викингов, которое столетиями закаляло свои силы в разбойничьих набегах. Но мир воцарился в окруженной бушующими водами стране; они же, привыкшие к бурям, жаждут борьбы, приключений, моря, с его постоянными опасностями — и вот они создают себе жгучее напряжение в кровавой игре. Раньше всего воздвигается арена для звериной травли и для борьбы. Медведи истекают кровью, петушиные бои дразнят животное сладострастие ужаса. Но уже вскоре развившийся дух предъявляет новые требования: ему нужно тоже напряженное возбуждение, но в иных, соответствующих современности формах. И вот, из религиозных зрелищ, из церковных мистерий вновь возникает бурная игра, возврат к прежним набегам и приключениям, но уже в глубинах человеческого сердца. Здесь открывается другая беспредельность, другое море, с приливами страстей и водоворотами духа. И с новым наслаждением бросаются в это море, с его

опасностями, поздние, но все еще неутомимые потомки англосаксов.

И мощно зазвучало творческое слово, когда он углубился в это варварски нечеловеческое начало. Его голос, сперва тихий, торопливый, теперь, напрягая голосовые мускулы и связки, напоминал сверкающий металлом летательный аппарат, который подымался все выше, все свободнее; комната становилась тесна для него, его теснили отвечавшие отзвуком стены, ему нужен был простор. Я чувствовал ревущий ураган над своей головой, бушующий говор моря. Мощно гремело слово: склонившись над письменным столом, я видел себя на песках моей родины, я слышал грохочущий плеск тысячи волн и дыхание приближающегося вихря. Весь трепет, болезненно окутывающий рождение слова так же, как и рождение человека, впервые проник тогда в мою изумленную, испуганную и все же ликующую душу.

Мой учитель кончает. Я встаю, шатаюсь. Жгучая усталость всей силой обрушивается на меня — усталость, непохожая на ту, которую испытывал он: он освободился от давившей его тяжести, а я впитал в себя покинувшее его напряжение и весь еще дрожал от испытанного восторга. Мы оба нуждаемся в спокойной беседе, чтобы обрести сон. Потом я еще расшифровываю стенограмму; и странно: как только знаки превращались в слова, мое дыхание, мой голос изменялись, будто в меня вселилось другое существо. И я узнал его: повторяя, я невольно скандировал речь, подражая его речи, будто он говорил во мне, а не я сам — настолько я стал его отражением, эхом его слов.

С тех пор прошло сорок лет. Но еще теперь, посреди лекции, когда моя речь увлекает меня и как бы парит вне меня, я вдруг смущаюсь от мысли, что это не я, а кто-то другой говорит моими устами. Я узнаю незабвенный голос давно ушедшего человека, который и в смерти дышит моим дыханием. Всякий раз как я испытываю вдохновение, я знаю: я — это он; те часы запечатлелись во мне навеки.

Работа росла и разрасталась вокруг меня, как лес, заслоняя меня от внешнего мира; моя жизнь протекала в полумраке этого дома, среди буйно шумевших ветвей быстро выраставшего сочинения, в пленительной, согревающей близости к этому человеку. За исключением нескольких лекционных часов, которые я проводил в университете, все мое время принадлежало ему. У них я обедал и ужинал; ни днем, ни ночью не прерывалось сообщение между моей комнатой и их квартирой; у меня был ключ от их входной двери, у него ключ от моей, так что он мог во всякое время войти ко мне, не вызывая полуглухую старуху. Но чем теснее становилось наше общение, тем больше я отрывался от всякого другого общества; вместе с теплотой внутреннего круга этой жизни я должен был испытать и ледяной холод его замкнутости и отчужденности от внешнего мира. В отношении ко мне товарищей я ощущал какое-то единодушное осуждение, даже презрение: была ли это зависть, вызванная предпочтением, какое явно оказывал мне учитель, или руководили ими какие-либо другие побуждения, но они решительно исключили меня из своего круга; в семинарских занятиях они, будто сговорившись, избегали обмена мнениями со мною, более того — не удостоивали меня взглядом. Даже профессора не скрывали своего нерасположения ко мне: однажды, когда я обратился за какой-то справкой к доценту по романской филологии, он иронически заметил:

— Как друг профессора NN, вы должны бы это знать.

Тщетно я старался объяснить себе такое незаслуженное презрение: тот особый тон, которым со мной говорили, тот взгляд, которым на меня смотрели, лишил всякой надежды найти ключ к разгадке. Вступив в близкое общение с этой одинокой четой, я разделял с ними их одиночество.

Эта отчужденность мало меня беспокоила: внимание мое было всецело поглощено умственными интересами; но нервы не выдерживали постоянного напряжения. Нельзя безнаказанно в течение нескольких недель непрерывно предаваться умственным излишествах; кроме того, я, вероятно, слишком резко изменил свой образ жизни, слишком бурно бросился из одной крайности в другую, чтобы сохранить необходимое равновесие. В то время как в Берлине мои бесцельные блуждания разряжали мускульную энергию, приключения с женщинами разрешали всякую тревогу, здесь тропически давившая атмос-

фера этого дома вызывала такое обострение всех чувств, что я, как наэлектризованный, вздрагивал как бы от непрерывно перемещавшегося во всем теле острия. Я лишился здорового, крепкого сна, может быть, потому, что по ночам я, ради собственного удовольствия, переписывал продиктованное вечером, сгорая нетерпением как можно скорее преподнести учителю переписанные листки; кроме того, университет предъявлял свои требования, утомляло поспешное, лихорадочное чтение; но едва ли не больше всего возбуждали меня беседы с учителем: я подвергал спартанской дисциплине каждый нерв, чтобы ни на минуту не показаться безучастным. Пренебрежение к требованиям тела не могло долго оставаться безнаказанным. Не раз со мной случались обмороки — предостерегающие признаки расшатанного здоровья. Я не придавал им значения, но гипнотическая усталость увеличивалась, всякое чувство выражалось в неумеренно резких формах, и обнаженные нервы все глубже вонзали в меня острие, лишая сна и возбуждая упорно подавляемые, смутные мысли.

Жена моего учителя первая обратила внимание на угрожающее состояние моего здоровья. Не раз я замечал на себе ее обеспокоенный взгляд; преднамеренно она все чаще вставляла в мимолетные разговоры отрезвляющие замечания, вроде того, что нельзя в течение одного семестра завоевать весь мир. Наконец она выступила открыто.

— Теперь довольно, — решительно заявила она, вырывая у меня из рук грамматику, над которой я корпел в солнечный воскресный день. — Как может полный жизни молодой человек до такой степени стать рабом своего честолюбия? Не берите во всем пример с моего мужа: он стар, вы молоды, вы должны вести другой образ жизни.

В ее тоне всегда проскальзывала нотка презрения, когда ей случалось упомянуть о муже. Это огорчало меня и восстанавливало против нее, и в то же время меня трогало ее участие. Преднамеренно, я это чувствовал, может быть, из побуждений своего рода ревности, она все больше старалась оградить меня от его чрезмерного влияния и охладить ироническим словом мое усердие; если мы засиживались по вечерам, она энергично стучала в дверь и, не внимая его гневному сопротивлению, заставляла прекратить работу.

— Он расстроит вам нервы, он вконец разрушит ваше здоровье, — сказала она однажды с озлоблением, заметив мое удрученное состояние. — Во что только он вас превратил за эти несколько недель! Я прямо не могу видеть, как вы грешите против себя. И при всем том... — она остановилась, не докончив фразу. Но губы ее побледнели и задрожали от подавленного гнева.

И действительно, мой учитель затруднял мою задачу: чем усерднее я служил ему, тем безразличнее он относился к моему обожанию. Редко-редко он удостаивал меня словом благодарности; когда я утром приносил ему переписанную за ночь работу, он уклончиво говорил сухим тоном:

— Не следовало торопиться, это потерпело бы до вечера.

Бывало, со всей готовностью, только предложишь ему какую-нибудь услугу, как сейчас же, среди разговора губы его суживаются, и саркастическим словом он отстраняет мое предложение. Правда, замечая мое покорное отчаяние, он утешал меня, останавливая на мне свой теплый, обволакивающий взор, но как редко это случалось, как редко! И эти внезапные смены тепла и холода, волнующей близости и злобного отталкивания привели в полное замешательство мое необузданное чувство, которое жаждало — нет, я положительно не в состоянии определить, чего я жаждал, желал, требовал, к чему стремился, каких доказательств его участия ожидало мое восторженное обожание. Если страстное преклонение, хотя бы в самой чистой форме, направлено к женщине, оно бессознательно стремится к обладанию телом — к этому естественному символу самого тесного слияния. Но духовная страсть, привлекающая мужчину к мужчине, — какого выхода ищет она? Беспечно она бродит вокруг предмета обожания, давая вспышки экстаза и никогда не находя полного удовлетворения. Всегда она струится, и никогда не высыхает ее источник; никогда она не насыщается, потому что природа ее — духовность. Его близость всегда казалась мне недостаточно близкой, его присутствие — недостаточно насыщающим, его долгие беседы не утоляли неутолимой жажды, и даже тогда, когда исчезало вся-

кое чувство отчужденности, я опасался, что следующая минута резким жестом раздробит эту столь желанную близость. Все снова и снова он смущал меня своим непостоянством. Не преувеличивая, я могу сказать, что в своей неумеренной раздражительности я был в состоянии натворить непростительных глупостей по самому ничтожному поводу: случалось, что равнодушным жестом он отстранит книгу, на которую я обратил его внимание; или вечером, когда, затаив дыхание, ощущая на своем плече его ласковую руку, я жадно ловлю каждое его слово, он вдруг резко оборвет разговор и скажет: «Ну, идите. Уже поздно. Спокойной ночи», — и эти мелочи могли отравить мне существование на часы и целые дни. Может быть, мое болезненно возбужденное чувство видело обиды там, где их не было и в помыслах, но разве помогают больной душе разумные доводы, когда наступил внутренний разлад? И это повторялось изо дня в день. Я страдал в его присутствии, я изнывал вдаль от него, всегда разочарованный его близостью, всегда полный тревоги, смущенный всякой случайностью.

И странно: всякий раз как я чувствовал себя оскорбленным, я шел к его жене. Может быть, это было бессознательное влечение к человеку, который живет в той же таинственной атмосфере, страдает от той же безмолвной сдержанности; может быть, это была просто потребность поговорить с кем-нибудь и найти если не помощь, то, по крайней мере, сочувствие, — как бы то ни было, я шел к ней, будто к тайному союзнику. Обычно она высмеивала мою чувствительность или, пожимая плечами, холодно замечала, что давно бы пора привыкнуть к этим мучительным странностям. Иногда же она окидывала меня серьезным и, я бы сказал, удивленным взглядом и слушала меня, молча, когда, охваченный отчаянием, я извергал поток судорожных слов, горьких упреков, подавленных рыданий; только губы ее вздрагивали, и я чувствовал, она напрягает все силы, чтобы не сказать гневное или необдуманное слово. И у нее было, без сомнения, о чем поговорить; и она скрывала тайну, может быть, ту же тайну, что и он; но в то время как он встречал мои посягательства резким отпором, она обычно шуткой прекращала дальнейшие разговоры по этому поводу.

Один только раз едва не сорвалось с ее уст долгожданное слово. Утром, принеся моему учителю продиктованное накануне, я рассказал ему, в какой восторг привела меня одна из глав (это была характеристика Марло). И в пылу восхищения я прибавил, что никто, никто не сумел бы так мастерски нарисовать этот портрет; закусив губу, он круто отвернулся, бросил листок на стол и презрительно пробормотал:

— Не говорите глупостей! Разве вы имеете представление о том, что такое мастерство!

Этого резкого слова (поспешно надетая личина, чтобы скрыть нетерпеливую застенчивость) было достаточно, чтобы испортить мне день. И после обеда, наедине с его женой, я, в истерическом припадке схватив ее руки, забросал ее вопросами:

— Скажите мне, почему он меня так ненавидит? Почему он меня презирает? Что я ему сделал? Почему его раздражает каждое мое слово? Что мне делать? Помогите мне! Почему он меня не выносит? Скажите мне, я вас очень прошу!

И пристальный взгляд в ответ на мой бурный порыв коснулся моего лица.

— Он вас ненавидит? — и она расхохоталась сквозь зубы так зло, так пронзительно, что я невольно отшатнулся. — Ненавидит — вас? — повторила она и посмотрела мне прямо в глаза, полные смущения. Она наклонилась, приблизившись ко мне, ее взоры становились постепенно мягче и мягче, в них засветилось страдание, и вдруг она (впервые) провела рукой по моим волосам. — Вы, право, еще дитя, глупое дитя, которое ничего не замечает, ничего не видит и ничего не знает. Но так все же лучше, а то вы бы стали еще беспокойнее. — И она быстро отвернулась.

Тщетно я искал успокоения: я будто попал в черный мешок тяжелого, полного ужасов сна и добивался пробуждения, выхода из таинственной сумятицы этих противоречивых чувств.

Так прошло четыре месяца — месяцы непрерывного восхождения и духовного преображения. Семестр близился к концу. С чувством тревоги я шел навстречу каникулам: я любил мое чистилище, и плоский, ограниченный

быт родительского дома рисовался мне как тяжелая ссылка. Втайне я уже замыслил написать родителям, что Меня задерживает здесь серьезная работа; я уже придумывал ловкое сплетение отговорок и лжи, чтобы продлить эту цепь поглощавших меня переживаний. Но судьба уже распорядилась мною, и преуказаны были сроки и часы. И этот час надвигался, невидимый, как удар колокола, дремлющий в металлической массе: придет время — и он призовет, сурово и негаданно, — одних к труду, других к расставанию.

Как прекрасно, как предательски прекрасно начался этот роковой вечер! Я сидел с ними за столом. Окна были раскрыты, и сквозь затемненные рамы медленно вливалось сумеречное небо, сиявшее белыми облаками. Что-то мягкое, ясное, глубоко западающее в душу излучал их величественный отблеск. Спокойно, мирно текла беседа между мною и сидевшим за столом. Мой учитель молчал, но его безмолвие витало, точно сложив крылья, над нашей беседой. Украдкой я посмотрел на него: какая-то удивительная просветленность была в нем сегодня, какая-то особенная тревога, далекая от всякого смятения, — такая же, как в сиявших нам летних облаках. Время от времени он подымал свой бокал к свету, любуясь окраской, и, когда мой взор радостно ловил этот жест, он, слегка улыбаясь, подымал стакан, как бы приветствуя меня. Редко я видал его лицо таким ясным, редко бывали его движения так округлы и спокойны. Он сидел, сияющий, почти торжественный, как будто прислушиваясь к какой-то неслышной музыке или к невидимому разговору. Его губы, обычно дрожащие мелкими волнами, покоились мягко, как разрезанный плод; на его лбу, обращенном к окнам, отражался мягкий свет, и он казался мне еще прекраснее, чем всегда. И странно, и отраднo было видеть его таким умиротворенным: был ли это отблеск ясного летнего вечера, проникла ли благотворная мягкость воздуха в его душу, или изнутри исходил этот свет? Но, привыкнув читать в его лице, как в раскрытой книге, я чувствовал: какой-то кроткий дух милосердной рукой коснулся извилин и ран его сердца.

И поднялся он так же торжественно, кивком головы приглашая меня в кабинет. Его привычная торопливость уступила место важной медлительности. Сделав несколько шагов, он вернулся обратно и — тоже необычная вещь — взял из шкафа нераскупоренную бутылку вина. Его жена, казалось, тоже заметила в нем что-то странное: подняв глаза от своей работы, она удивленно смотрела ему вслед, с любопытством наблюдая его непривычную торжественность.

Кабинет, по обыкновению совершенно темный, охватил нас своим уютным мраком: только лампа отбрасывала золотистый круг на белизну вриготовленных на столе листов бумаги. Я занял свое место и повторил последние фразы из рукописи: их ритм служил для него как бы камертоном, определявшим дальнейшее течение речи. Но в то время как, обыкновенно, непосредственно за последней прочитанной мною фразой звучала следующая, на этот раз звук оборвался. Тишина наполнила комнату и давила меня, как бы нависая со стен и создавая напряжение. Он как будто еще не собрался с мыслями — я слышал за спиной его нервные шаги.

— Прочтите еще раз, — непривычно задрожал его голос.

Я повторил последний абзац. Не успел я произнести последнее слово, как он подхватил его и продолжал диктовать особенно быстро и сжато. В нескольких фразах выросла сцена. До сих пор он развивал культурные предпосылки драмы: фрески того времени, отрывок истории. Теперь он сразу обратился к театру, который, отказавшись от бродяжничества, становится оседлым, создает себе постоянное жилище, приобретает права и привилегии: возникает «Театр Розы», потом «Фортуна» — деревянные балаганы для деревянных представлений. Но крепнет и мужает драматическая литература — и вот мастера сколачивают для нее новую дощатую оболочку. На берегу Темзы, на сырой, болотистой почве вырастает грубое деревянное здание с неуклюжей шестиугольной башней — театр «Глобус», на сцене которого появляется великий мастер Шекспир. Будто выброшенный морскими волнами странный корабль с красным разбойничьим флагом на мачте, стоит оно, бросив якорь и крепко врезавшись в прибрежный ил. В партере, будто в гавани, шумя, толпится чернь; с галерей снисходительно улыбается и болтает с актерами высший свет. Публика нетерпеливо требует начала. И вот — до сих пор я помню его слова —

закипела буря слов, забушевало безграничное море страстей, и с этих дощатых подмостков изливаются кровеносные волны в человеческие сердца всех времен, всех народов. Таков этот исконный прообраз человека — неисчерпаемый, неповторимый, веселый и трагический, полный разнообразия — театр Англии — шекспировская драма.

Его речь внезапно оборвалась. Наступило продолжительное тяжелое молчание. Обеспокоенный, я взглянул на него: мой учитель стоял, одной рукой судорожно опершись об стол в знакомой мне позе изнеможения, но на этот раз в его оцепенении было что-то пугающее. Я вскочил и с тревогой спросил его: не прекратить ли работу? Он только взглянул на меня, с трудом переводя дыхание, взглянул пристально и неподвижно. Но вот засверкали голубым светом зрачки его глаз, он приблизился ко мне и произнес:

— И вы ничего не заметили? — Он пронизательно посмотрел на меня.

— Что? — спросил я нетвердо.

Он глубоко вздохнул и улыбнулся; за долгие месяцы впервые я вновь почувствовал его обволакивающий, мягкий взор.

— Первая часть кончена.

Мне стоило труда подавить вопль радости — так поразила меня волнующая неожиданность. Как только я мог не заметить! Да, это было законченное здание, стройная башня, возведенная на фундаменте прошлого и приводившая к порогу Елизаветинской эпохи. Теперь они могут выступить — и Марло, и Бен Джонсон, и Шекспир — их славный соперник! Его труд, наш труд, праздновал свой первый день рождения. Поспешно я пересчитывал листки. Сто семьдесят убористо написанных страниц заключала эта первая, самая трудная часть: дальше должно было следовать свободное творчество, тогда как до сих пор изложение было связано историческими данными. Теперь уже нет сомнения, что он доведет до конца свой труд — наш труд!

Я не знаю, как выразилась моя радость, моя гордость, мое счастье. Но, должно быть, мой восторг вылился в экстаические формы; его улыбающийся взор сопутствовал мне, в то время как я метался, то перечитывая последние слова, то поспешно считая листки, любовно ощупывая и взвешивая их, то погружаясь в вычисления, сколько времени потребуется для окончания всей работы. Его глубоко затаенная гордость любовалась своим отражением в моей радости: растроганный, он, улыбаясь, смотрел на меня. Медленно он подошел ко мне близко-близко, протянул мне обе руки и устремил на меня неподвижный взор. Постепенно его зрачки, обычно загорающиеся только на миг, наполнялись одушевленной, ясной синевой, какую знают только две стихии — водные глубины и глубины человеческого чувства. И эта сияющая синева, разливаясь из его глаз, постепенно наполнила и меня: я чувствовал, как ее теплая волна мягко вошла в меня и разлилась, вызвав неопишуемое чувство наслаждения; грудь ширилась от этой брызжущей, нежащей мощи, и луч полуденного солнца проник в мою душу. И сквозь этот блеск донесся ко мне его голос:

— Я знаю, что никогда не предпринял бы эту работу без вас; никогда я вам этого не забуду. Вы дали полет моим утомленным крыльям; вы собрали все, что осталось от моей утраченной, рассеявшейся жизни. Только вы! Никто не сделал для меня так много; никто, кроме вас, не протянул мне братскую руку помощи. И потому я благодарю не вас, а... т е б я. Пойдем! Проведем этот час как братья.

Он мягко привлек меня к столу и взял в руки приготовленную бутылку. Два бокала ожидали нас: в знак благодарности он по-братски разопьет со мной бутылку вина. Я дрожал от радости: ничто не волнует наши чувства так глубоко, как внезапное исполнение пламенного желания. Непреложный знак доверия, разрешивший мое бессознательное томление, в эту минуту благодарности нашел себе самую прекрасную форму: братское «ты», переброшенное через пропасть лет, и тем более драгоценное, чем неизмеримее было преодолеваемое им расстояние. Уже звенела бутылка в ожидании таинства, которое должно было окончательно утвердить в вере мое неуверенное чувство, и светлой радостью отдавался во мне этот ясный, дрожащий звон. Но наступлению торжественной минуты мешало маленькое препятствие: бутылка была закупорена, и не было штопора. Он хотел пойти за ним, но, угадывая его намерение, я

поспешно кинулся в столовую — я сгорал от нетерпеливого ожидания этой минуты окончательного успокоения моего все еще не верившего счастьем сердца.

Стремительно открыв дверь в темный коридор, я в темноте наткнулся на что-то мягкое, быстро подавшееся назад: это была жена моего учителя; очевидно, она подслушивала нас. Несмотря на сильный толчок, она не издала ни звука; молчал и я, в испуге не решаясь двинуться с места. Прошло мгновение: молча, сконфуженные, мы стояли друг перед другом; но вот в темноте послышались тихие шаги, сверкнул свет, и я увидел бледные, вызывающие черты прислонившейся спиной к шкафу женщины. Меня встретил серьезный взгляд ее глаз, и что-то мрачное, предостерегающее, зловещее было в этой неподвижной фигуре. Но она не проронила ни слова.

Мои руки дрожали, когда после длительного, нервного, полуслеплого нащупывания я, наконец, нашел штопор. Дважды я прошел мимо нее, и каждый раз я встречал ее неподвижный взгляд, блестящий жестко и мрачно, как полированное дерево. Ее упрямая поза не оставляла сомнения в том, что она твердо решила не покидать своего наблюдательного поста и продолжать недостойный шпионаж. И эта непоколебимость смутила меня: я невольно согнулся под этим упорным, предостерегающим, обращенным на меня взглядом. И когда, наконец, неверными шагами я вернулся в комнату, где мой учитель нетерпеливо держал в руках бутылку, безграничная радость, только что владевшая мною, обратилась в леденящую тревогу. А он — как беззаботно он поджидал меня, как приветливо встретил меня его взор! Как долго я мечтал увидеть его именно таким, безоблачным! А теперь, когда впервые он умиротворенно сиял передо мной, открыв для меня свое сердце, я не мог произнести ни слова: будто сквозь невидимые поры испарилась вся моя затаенная радость. Какое-то ужасное подозрение закрадывалось в душу и сковывало меня. Смущенно, почти со стыдом я слушал слова благодарности и братское «ты», сливавшееся со звоном бокалов. Дружески положив мне руку на плечо, он подвел меня к креслу. Мы сидели друг против друга; его рука покоилась в моей. Впервые он предстал передо мной с открытым сердцем. Но слова застревали у меня в горле: невольно мой взор обращался к двери, за которой, может быть, стоит она и подслушивает. «Она подслушивает, — неотступно думал я, — она ловит каждое слово, обращенное ко мне, каждое слово, сказанное мною. Но почему, почему именно сегодня?» И когда он, обволакивая меня своим согревающим взглядом, вдруг сказал:

— Сегодня я расскажу тебе о своей юности, — я умоляющим жестом отклонил его предложение. Испуг мой был так очевиден, что он с удивлением посмотрел на меня.

— Не сегодня, — бормотал я, — не сегодня... простите. — Мысль, что он мог выдать себя той, о чьем присутствии я должен был молчать, приводила меня в ужас.

Мой учитель взглянул на меня неуверенно.

— Что с тобой? — спросил он, слегка огорченный.

— Я устал... простите... я слишком взволнован... — Я поднялся, дрожа всем телом. — Я думаю, лучше мне уйти. — Невольно я посмотрел мимо него на дверь, за которой подозревал насторожившееся любопытство ревнивого соглядатая.

Он тоже поднялся. Тень проскользнула по его лицу.

— Ты в самом деле хочешь уйти?... Именно сегодня? — Он держал мою руку, отяжелевшую от какого-то невидимого груза. Вдруг он резко выпустил ее, и она упала, как камень. — Жаль, — сказал он разочарованно, — мне так хотелось побеседовать с тобой откровенно! Жаль! — И глубокий вздох, как черная бабочка, пронесся по комнате. Я был полон стыда и непонятного страха. Неверными шагами я направился к двери и тихо закрыл ее за собой.

Перевод П. С. БЕРНШТЕЙН

Продолжение следует

РЕКОРДСМЕНЫ МОШЕННИЧЕСТВА

Гислен ЛУСТАЛО,
Жан-Пьер де МОНДЕНАР,
французские журналисты

15 сентября 1991 года, Брюссельский марафон... Алжирец Аббес Техами пересекает финишную черту первым, но встречает его улюлюканье и свист публики. Причина — случайно вскрывшееся мошенничество. Прельстившись призом в 250 000 франков, Техами вместе со своим тренером замыслили нехитрую комбинацию: первый этап под номером бегуна пробежит его тренер, а на полпути, на манер эстафеты, его подменит сам атлет. Так все и произошло: Аббес Техами подменил своего тренера как раз тогда, когда тот уже начал явно уставать. Наспех переколов номер, он начал бешеную гонку преследования, догнал лидирующую группу, а на последних километрах обошел ее. Но ему не повезло. Сопровождающие марафон обратили внимание, что обладатель № 62 начинал бег с усами, а закончил гладко выбритым. Обман был раскрыт, а спортсмен дисквалифицирован и приговорен к штрафу.

Увы, подобного рода махинации случаются в спорте гораздо чаще, чем можно предположить. Результаты опроса, проведенного Институтом криминологии Нью-Йорка, мягко говоря, озадачивают. Из 8700 человек, проверившихся на детекторе лжи, 5300 оказались замешаны в мошенничестве в спортивных состязаниях. И трудно выделить какой-либо один вид спорта, где бы мошенничеств было больше или меньше, чем в других. Возьмем, к примеру, бокс. Казалось бы, здесь все на виду. И тем не менее. В июне 1983 года после боя с американцем Билли Коллинзом Луис Ресто был дисквалифицирован государственной комиссией на всю жизнь за то, что перед встречей вынул из перчаток смягчающие прокладки, чтобы побыстрее вывести соперника из строя. В результате Коллинзу, обезображенному и со сломанной челюстью, пришлось навсегда оставить бокс. Такой же недозволенный и не менее опасный прием использовал в 1903 году Кид Салливан. Во время боя с Бэттлингом Нельсоном, не имея ни малейшего шанса на выигрыш, он последовал совету своего тренера, который в четвертом раунде порекомендовал ему ударить хотя бы раз противника по глазам. Он сделал это, и не один раз, а несколько, и Нельсон вдруг замер посреди ринга, внезапно и необъяснимо ослепнув. Махинация всплыла лишь тогда, когда на ринг был вызван врач. Оказалось, что тренер смазал перчатки Салливана белладонной, и Нельсон только чудом не остался слепым на всю жизнь.

Другая уловка, менее опасная, была использована в 1930 году братьями Ван Ромпю: Раймон и Рене были близнецами и отличались только весом. Таким образом, когда одному из них подворачивался контракт, то на весы становился Раймон, который весил меньше, а вечером на ринг выходил Рене — чей вес был на 3 килограмма больше.

Не будем сгущать краски и приводить другие примеры, хотя можно было бы рассказать и об арбитрах, которых сбивали с ног — только бы объявить бой недействительным, и о раундах, длившихся по полторы минуты вместо трех положенных — бокс не более чем один из видов спорта.

В 1988 году американский спортсмен Джон Пауэлл, номер первый того сезона в мировой таблице о рангах, метнул диск на 72,06 метра. Прекрасный результат... Но шведская федерация, усомнившись в подвигах, вершившихся на площадке для метания в Клэгсхенне, командировала туда топографа. И уловка, великолепно известная специа-

листам, сразу выплыла наружу: площадка находилась на склоне холма, и угол наклона в 4–5 раз превышал предельно допустимую норму. На Московской Олимпиаде кто-то тоже изрядно поработал мозгами: каждый раз, когда на площадку для метания копья выходил представитель советской команды, служители открывали настежь двери на стадион, создавая таким образом сквозняк, позволявший снаряду пролететь чуть дальше. На чемпионате мира по легкой атлетике 1987 года прыгун в длину итальянец Джованни Эванджелисти первым удивился, когда судьи оценили его прыжок на 8,38 метра, позволив ему, таким образом, занять третью ступень на пьедестале почета. Через два месяца, расхваставшись, его тренер проболтался, что о длине прыжка заранее договорились с арбитрами. Экспертиза установила, что на самом деле результат был на 50 сантиметров меньше. В 1980 году Розы Луис на марафоне в Бостоне пронеслась подобно пушечному ядру: 2 часа 31 минута 56 секунд. Но уже через два часа после финиша она была дисквалифицирована. Все дело в том, что три четверти пути она проделала на метро.

Подобные трюки, более или менее смешные, лучше или хуже поставленные, встречаются и в велосипедном спорте. В 1987 году на чемпионате мира в Австрии итальянцы смогли обойти все команды восточных стран на 100-километровом этапе, причем дорога шла в гору. Ясно, что дело было нечисто. И впрямь, оказалось, что они использовали систему, безусловно, гениальную, — но, к сожалению, абсолютно запрещенную. В их комбинезоне был предусмотрен специальный пояс, соединенный с вилкой руля тросом и пристегнутый карабином. Фактически это была та самая четвертая точка опоры, запрещенная международной федерацией. Чтобы ввести в за-

блуждение румынского сопровождающего гонки, на старте они появились в последний момент, и трос только чуть-чуть высовывался из комбинезона, затем на первых метрах дистанции поспешно вытянули трос и пристегнулись к рулю. Забавно, что их так и не наказали за это.

Еще одна забавная история произошла во время Тур-де-Франс в 1926 году на трудном пиренейском этапе. В тот день валил снег, как зимой, и лишь половина участников добралась к полуночи до конечного пункта. И вот, когда организаторы начали уже всерьез беспокоиться, появились считавшиеся пропавшими спортсмены. Организаторы гонки так рады видеть их целыми и невредимыми, что даже не заметили, насколько те свежи и бодры. Они заметили это только тогда, когда организаторов атаковал какой-то очень сердитый мужчина. Оказалось, что он подобрал их на дороге и довез на грузовике, а теперь сердит, потому что ему не заплатили. К тому же, ругался водитель, спортсмены сошли, даже не поблагодарив его.

Стоит еще вспомнить историю близнецов, которые подменяли друг друга на этапе, и попались только благодаря плохой координированности действий, когда второй выбрался из оврага чуть раньше или чуть дальше от условленного места. Или сногшибательную историю нидерландского спортсмена Карстенса. Победитель Тура Ломбардии 1969 года не мог сам себе объяснить, каким же образом его анализ на допинг мог оказаться положительным — ведь он попросил сдать его вместо себя одного из родственников. Но вершина изобретательности, безусловно, принадлежит русскому пятиборцу Борису Онищенко. На Олимпийских играх в Монреале он сумел так подсоединить свою шпагу к электронному табло, что табло регистрировало уколы, которых не было. Когда тайное стало яв-

На знамени большого спорта к известному лозунгу «Быстрее, выше, сильнее!» следовало бы, объективности ради, приписать еще одно слово — «хитрее». Летопись спорта изобилует всякого рода жульничествами — начиная с хитрейших уловок и кончая сумасбродными выходками, чьи последствия подчас трагичны, а иногда вызывают улыбку.

В 1987 году Джованни Эванджелисти прыгнул на 8 м 88 см и приземлился «в луну». Как выяснилось, его тренер поднул судейскую бригаду.

ным, он был дисквалифицирован и препровожден обратно в Советский Союз под присмотром двух агентов КГБ. Больше о нем ничего не слышали.

Другую «вершину» покорил норвежский горнолыжник Биргер Рууд. Во время Олимпийских игр в 1936 году трасса не была отмечена флажками. Накануне старта, знакомясь с трассой, Рууд заметил, что в одном месте она описывает букву S, огибая скалистый выступ. Ему пришло в голову, что если он перепрыгнет через него, то выиграет несколько драгоценных секунд. Ночью накануне состязания он вместе с друзьями пробрался на трассу и стал готовить площадку. На следующее утро все соперники огибали скалу, кроме Рууда, который воспользовался подготовленным трамплином и приземлился внизу точно на трассу. Он сократил себе путь метров на 200. Арбитры, кстати, так и не пришли к единому мнению, следует ли считать поступок Рууда обманом.

На сегодня пальма первенства среди спортивных обманщиков, безусловно, принадлежит футбольному клубу из Ганы «Гран Аккра», который во время матча с бразильским клубом из города Пальмерао с невинным видом выпустил на поле двух дополнительных игроков. Предполагалось, что они заменят двух своих товарищей, но те, однако, покинули поле только с финальной сиреной.

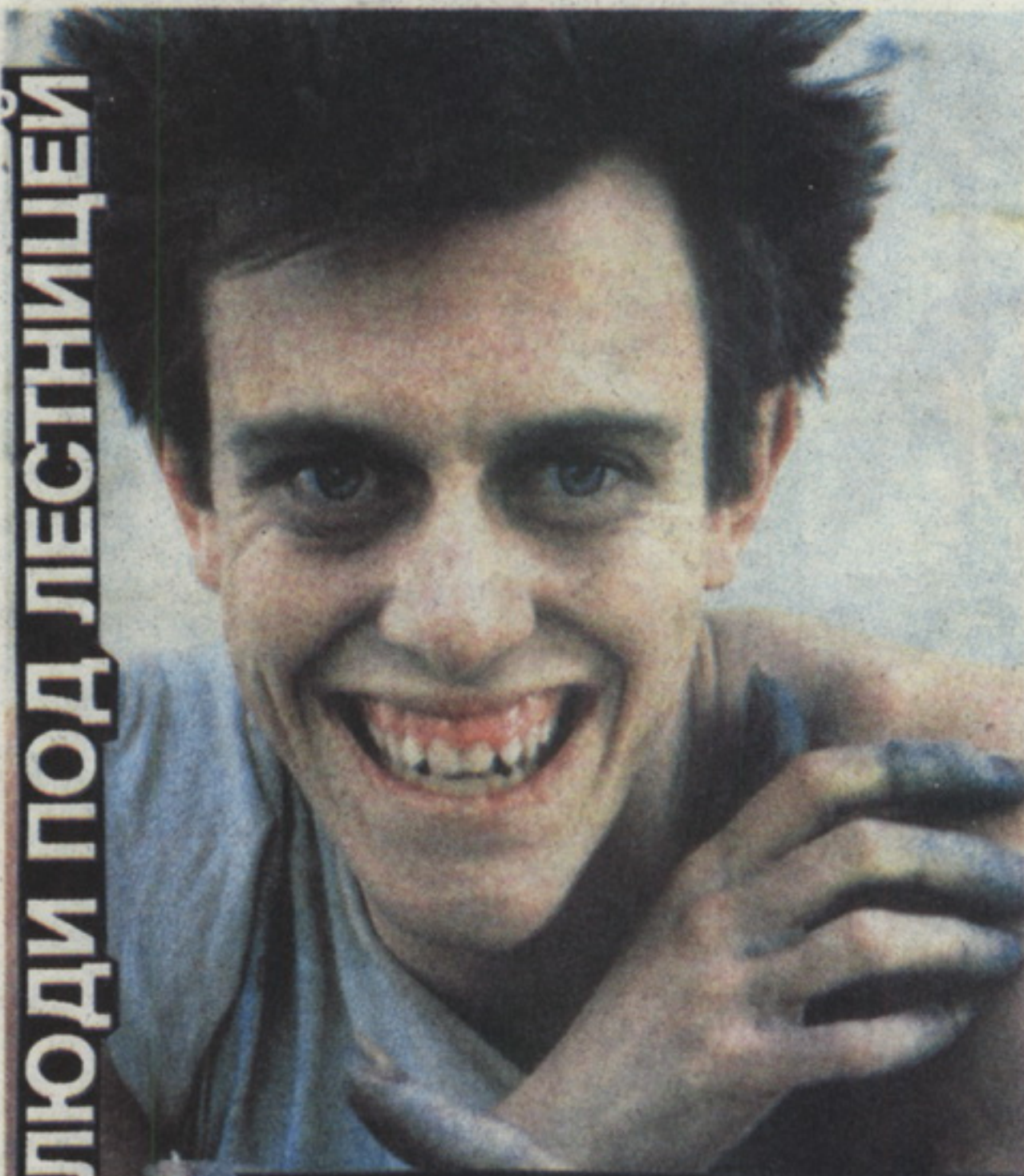
Перевела с французского Л. ПЛЕХОВА

РОВЕСНИК

DEBRA WINGER

ЛЮДИ ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ

THE PEOPLE UNDER THE STAIRS

США. 1991 г. 1 ч. 47 мин. Реж. Вес Крейвен. В ролях: Брендон Адамс, Эверетт Манджилл, Венди Роби, А. Дж. Лэнгер и др.

Известный мастер «ужасинов» Вес Крейвен и на этот раз не отступил от избранного жанра, только «Люди под лестницей» получились кан-то добрее его предыдущих работ. А сюжет таков: жители гарлемских домов восстают против домовладелицы, которая старается их выжить. И двое чернокожих парней — один постарше, другой совсем мальчишка, — решают отомстить злобной тетке и украсть ее богатства, чтобы, на манер Робин Гуда, раздать беднякам. Они пробираются в особняк, в котором живет домовладелица со своей дочерью и братом, и обнаруживают страшные вещи: домовладелица бьет свою дочку, брат держит под лестницей, в подвале, пленников, а тех из них, кто плохо себя ведет, просто-напросто съедает. В общем, полный кошмар. Но хорошие, конечно, побеждают плохих.

ОБМАНУТАЯ

США. 1992 г. 1 ч. 45 мин. Реж. Дэмьен Харрис. В ролях: Голди Хон (Эдриенн Сондерз), Джон Херд (Джек), Эшли Пелдон, Иэн Рабз.

Фильм оценят поклонники блестящей комедийной актрисы Голди Хон, потому что в этом психологическом триллере она играет вполне серьезную и даже трагическую роль. У нью-йоркского искусствоведа Эдриенн Сондерз есть, казалось бы, все, что нужно для счастья: хорошая работа, любящая дочь, внимательный и добрый муж. Но, к сожалению, если в жизни все так хорошо, то дальше может быть только хуже. Муж Эдриенн, Джек, занимает высокий пост в одном из крупных музеев, и Эдриенн начинает подозревать, что он замешан в каких-то темных махинациях с подделками произведений искусства. Она расследует это дело, и тут Джек погибает в странной автомобильной катастрофе. Эдриенн все глубже уходит в расследование и выясняет, что тот Джек, которого она знала и любила — лишь маска, за которой скрывался совсем иной человек, обманывавший ее всю жизнь.

БЕГЛЯНКА

Впервые Дебра Уингер убежала от судьбы в шестнадцать лет — дочка порядочных и милых родителей, «еврейская принцесса», как называют таких хорошо воспитанных девочек, которым на роду написано выйти за скромного молодого человека, лучше зубного врача, нарожать милых детей и хорошо воспитать их — она рванула из родного Кливленда в Израиль. Дебра загорелась идеей построения социализма в «одном отдельно взятом кибуце», а потом даже вступила в израильскую армию. Однако и здесь не нашлось покая ее мятущейся душе, и Дебра вернулась в США, где, как опять же не положено девочкам из хороших семей, пошла в артистки. Съёмки в бесконечных телесериалах, тупые и скучные, забвение в наркотиках и алкоголе, тяжелейшая автостаффа, на год приковавшая ее к постели. Редко, кто из такого поднимается... Дебра поднялась: закончила университет, защитила диплом по социологии на тему молодежной преступности; вроде бы — возвращение на круги своя, в приличный мир среднего класса...

И новое бегство: в 1980 году ее приглашают сняться в фильме «Городской новбой» вместе с Джоном Травольтой. А сразу же за этим — два фильма, принесших ей двух «Оскаров», что неслы-

ханно для начинающей актрисы: «Офицер и джентльмен», где она работала с Робертом Гиром, и «Цена нежности», в команде с великим Дженом Николсоном и Ширли Маклейн. Ее хрипловатый голос, грустный смех, резко очерченное, «мальчуковое» лицо, грубоватые жесты — все в ней было не так, не как положено для старлетки, поэтому она сразу же стала настоящей звездой. Однако Дебра Уингер и не собиралась следовать ритуалам киномира — она живет сама по себе и не делает ничего, чтобы завоевать симпатии и поддержку собратьев по искусству. Несдержанная на язык, она скорее легко завоевывает антипатии, как случилось у нее и с Гиром, и с Робертом Редфордом, с которым она работала в фильме «Орлы закона».

Знаменитый режиссер Бернардо Бертолуччи рассказывает: «Когда я решил пригласить Дебру в фильм «Укрытые небом», меня предупреждали: не делай этого, у нее кошмарная репутация. На самом же деле это просто женщина, которая не признает полумер. Я ни разу не встречал у актрис такой готовности к страданию и к настоящему, глубинному состраданию». Этот фильм стал триумфом актрисы, которая, как она сама говорит, не любит сниматься: «Похоже, мне пора бежать из кино — не мое это дело».

Пока что она, прихватив трехлетнего сынишку, сбежала от мужа, актера Тимоти Хаттона. Что будет с нею дальше? Кто знает...

Е. ЛИВШИЦ

ДОКТОР

THE DOCTOR

США. 1991 г. 2 ч. 3 мин. Реж. Рэнда Хейнс. В ролях: Уильям Херт (доктор Джек Манки), Элизабет Пернинс (Джун), Мэнди Патинкин, Кристин Лахти, Эдам Аркин, Чарли Корзмо.

Преуспевающий хирург Джек Манки вдруг обнаруживает у себя рак и становится пациентом своей собственной больницы. И в этом новом для себя статусе обнаруживает то, чем раньше пренебрегал: человеческое тепло, веру и сочувствие. Он наконец-то понимает, что врач должен не только уметь ставить диагноз и предписывать правильный курс лечения, но прежде всего отдавать больным свое сердце. На этом трудном пути к себе ему помогает одна из пациенток, Джун, которая с поразительным мужеством переносит свои страдания. Однако, как отмечают критики, «если вы верите, что и ведущему хирургу в больнице такое же отношение, как и обыкновенному пациенту, тогда вас можно убедить в чем угодно». Видно, и у них в здравоохранении не без проблем...

США. 1991 г. 2 ч. 14 мин. Реж. Дэвид Селцер. В ролях: Мелани Гриффит (Линда Восс), Майкл Дуглас (Эд Лиланд), Лайэм Нисон, Джоли Ричардсон, Джон Гилгуд.

Идет 1940 год. Гитлер захватывает Европу. А скромная нью-йоркская секретарша Линда продолжает отвечать на скучные звонки и писать под диктовку скучные деловые письма. Ей так хочется бурной и полной опасностей жизни шпионки, ведь она столько об этом читала и посмотрела столько «нужных» фильмов... Японцы бомбят Пирл-Харбор, Америка вступает в войну, и новый босс Линды, адвокат Эд Лиланд, на самом деле оказывается высокопоставленным чиновником американской военной разведки. Линда, воспользовавшись своим женским очарованием, и тем, что она хорошо владеет немецким, уговаривает босса отправить ее в Германию, в тыл врага. Наконец-то мечта ее сбывается, но реальность оказывается куда страшнее и отвратительнее, чем то, что Линда себе представляла.

НА ПРОСВЕТ

SHINING THROUGH

MOBSTERS: THE EVIL EMPIRE

ГАНГСТЕРЫ: ИМПЕРИЯ ЗЛА

США. 1992 г. 1 ч. 50 мин. Реж. Майкл Карбелникофф. В ролях: Кристиан Слейтер (Лани Лучано), Патрик Демси (Меир Лански), Ричард Грино (Бенни «Багси» Зигел), Костат Мэндилок (Фрэнки Ностелло), Ф. Мюррей Абрахам, Энтони Куин и др.

Поклонники «гангстерского» кино, несомненно, обратят внимание на эту ленту, напоминающую сразу и «Однажды в Америке», и «Ноттон-клуб», и «Багси», и «Крестного отца». Только теперь за роли, привычные для Роберта Де Ниро и Аль Пачино, принялся отряд молодых актеров... Компания, в которую входят восходящие звезды Голливуда, играет реально существовавших лиц — Лани Лучано, Меира Лански и др., которые в начале этого века создавали свои преступные империи. И хотя все уже давно знают, как оно обстояло на самом деле, этот новый старый фильм пытается разрабатывать «романтическую жилу» — как мило и славно дружили, и как помогали друг другу эти господа в юности, и как с годами черствели сердцем они...